

ГОРОД ЖЕНЩИН

БЕСТСЕЛЛЕР № 1 THE NEW YORK TIMES

ЭЛИЗАБЕТ
ГИЛБЕРТ

Выбор редакции

Элизабет Гилберт

Город женщин

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44

Гилберт Э.

Город женщин / Э. Гилберт — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Выбор редакции)

ISBN 978-5-386-12755-8

Любимица миллионов читателей Элизабет Гилберт отважно исследует вопросы женской сексуальности, границы вольности нравов и отличительные черты истинной любви. «Город женщин», роман о молодых героинях в сверкающем и дерзком театральном мире Нью-Йорка 1940-х, это еще одна история о барьерах, с которыми девушки сталкиваются – и которые преодолевают – в поисках радости жизни.

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44

ISBN 978-5-386-12755-8

© Гилберт Э., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	27
Глава пятая	35
Глава шестая	43
Глава седьмая	50
Глава восьмая	56
Глава девятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Элизабет Гилберт

Город женщин

© 2019, Elizabeth Gilbert All rights reserved

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

Маргарет Корди – моим глазам, моим ушам, моей любимой подруге

Вы будете делать глупости, этого не избежать. Так пусть вам хотя бы будет весело.

Колект

Нью-Йорк, апрель 2010 года

На днях его дочь прислала мне письмо.

Анджела.

За эти годы я много думала о ней, но лично мы общались всего трижды.

Первый раз – в 1971 году: я шила ей свадебное платье.

Второй – в 1977-м: она сообщила, что умер ее отец.

Сейчас она писала, что умерла ее мать. Не знаю, на какую реакцию она рассчитывала: возможно, хотела вызвать у меня замешательство. Но уверена, она это не со зла. Анджела не такая. Анджела – добрый человек. И, что важнее, интересный.

Но кто же знал, что ее мать протянет так долго? Мне-то казалось, она давно умерла. Как и все остальные. (Впрочем, с какой стати удивляться чужому долголетию, когда я сама цепляюсь за жизнь, как ракушка за дно корабля? С чего я возомнила, что я одна такая – старуха, которая ковыляет по Нью-Йорку в свои страшно сказать сколько лет, упорно отказываясь умирать и освобождать ценную недвижимость?)

Но больше всего в письме Анджелы меня поразила последняя строчка.

«Вивиан, – писала она, – теперь, когда мамы уже нет, может, расскажешь наконец, кем ты была для моего отца?»

Что ж.

Так кем я была для ее отца?

На этот вопрос мог ответить лишь он сам. А раз он предпочел промолчать, кто я такая, чтобы рассуждать от его имени?

Но я могу говорить за себя. И рассказать, кем он был для меня.

Глава первая

Летом 1940 года меня, девятнадцатилетнюю дурочку, отправили жить к тете Пег в Нью-Йорк. У тети был свой театр.

Чуть раньше меня вытурили из колледжа Вассар, потому что я прогуливала занятия и в итоге провалила все до единого экзамены в конце первого курса. На самом деле, несмотря на плохие оценки, я не была совсем уж законченной тупицей, но, видимо, если ничего не учить, то даже ум не поможет. Сейчас я уже не помню, чем занималась в те часы, когда должна была сидеть на лекциях, но, зная себя, рискну предположить, что вертелась перед зеркалом. (Помню, как раз в том году я пыталась научиться делать «ракушку» – освоение этой прически казалось мне самым важным делом в жизни, и далось оно мне нелегко, хотя в Вассаре все равно не оценили бы мое достижение.)

Я так и не прижилась в колледже, хотя возможностей было предостаточно. В Вассаре учились самые разные девушки и существовали самые разные группировки, но ни одна из них меня не привлекала – я просто не видела себя их частью. В том году там развелось множество политических активисток: они носили строгие черные брюки и обсуждали мировую революцию. Но мировая революция меня не интересовала. (И до сих пор не интересуется. Хотя мне очень нравились их черные брюки – такие шикарные, вот если бы еще карманы не топорщились.) Были в Вассаре и студентки, отважно вгрызающиеся в гранит науки, – им предстояло стать врачами и адвокатами в те времена, когда женщины в подобных профессиях попадались еще довольно редко. Они могли бы меня привлечь, но нет. Начнем с того, что я их не различала. Все они носили одинаковые бесформенные шерстяные юбки, словно сшитые из старых свитеров. При виде этих юбок настроение у меня сразу портилось.

Не то чтобы Вассар был начисто лишен блеска, нет. Например, студентки с факультета средневековой литературы – романтические, волоокие – были весьма миленькие, как и самолюбленные девушки творческого склада с распущенными длинными волосами или великосветские аристократки с точеными профилями итальянских гончих. Но ни с кем из них я так и не подружилась. Вероятно, потому что интуитивно понимала: любая в этом колледже умнее меня. (Подростковая паранойя тут ни при чем: я до сих пор считаю, что все там были умнее меня.)

Честно говоря, сама не знаю, почему я оказалась в колледже, – разве что следовала предначертанию судьбы, смысл которого мне никто не объяснил. С раннего детства мне твердили, что я пойду в Вассар, но никто не говорил зачем. Для чего это все? Что я должна извлечь из обучения? И зачем мне жить в пропахшей вареной капустой комнатухе с не улыбочивой соседкой, которая всерьез решила посвятить свое будущее общественным реформам?

Не говорю уже о том, что к моменту поступления в колледж я наелась учебы досыта. Сначала я несколько лет провела в школе для девочек имени Эммы Уиллард в Трое, штат Нью-Йорк, где преподавали блестящие выпускницы семерки лучших женских колледжей Северо-Востока США, – разве этого мало? С двенадцати лет я отбывала срок в интернате, и мне казалось, что с меня хватит. Сколько книг нужно прочесть, чтобы доказать свое умение читать? Я даже знала, кто такой Карл Великий, – неужели нельзя оставить меня в покое?

К тому же вскоре после начала учебного года я обнаружила в Покипси бар, где наливали дешевое пиво и играли джаз до самого утра. Я научилась незаметно ускользать из кампуса (мой коварный план ежедневного побега включал незапертое окно в туалете и спрятанный велосипед. О, я была грозой охраны!) и стала завсегдатаем этого заведения, ввиду чего латинские спряжения на следующее утро давались мне с трудом: я мучилась от похмелья.

Находились и другие препятствия для учебы.

Например, все эти сигареты сами себя не выкурили бы.

Короче говоря: я была занята.

Поэтому на курсе, где учились триста шестьдесят две блестящие юные девушки, я заняла триста шестьдесят первое место в списке успеваемости. Услышав об этом, мой отец в ужасе заметил: «Страшно представить, чем отличилась триста шестьдесят вторая!» (Потом мы узнали, что бедняжка болела полиомиелитом.) Так что деканат отправил меня домой, вежливо попросив не возвращаться.

Мама не знала, что со мной делать. Мы и в лучшие времена были не особенно близки. Она обожала лошадей, а я не была лошадьёй и не интересовалась верховой ездой, так что говорить нам было не о чем. Теперь же я так ее опозорила, что даже смотреть на меня ей было невозможно. Мама окончила Вассар с отличием, не то что я. Выпуск 1915 года, история и французский. В этом почтенном заведении маму все помнили, не в последнюю очередь благодаря ежегодным пожертвованиям с ее стороны; поэтому меня и приняли в Вассар, и вот чем я ее отблагодарила. Случайно встречая меня в коридорах нашего дома, мама кивала мне, как дипломат на службе. Вежливо, но холодно.

Папа тоже не знал, как со мной быть, однако у него имелись заботы поважнее неблагополучной дочери – он владел рудниками бурого железняка. Да, я разочаровала отца, но ему было не до меня. Ему, промышленнику и изоляционисту, и без того хватало проблем: разгорающаяся в Европе война могла поставить бизнес под угрозу.

Что до моего старшего брата Уолтера, тот учился на отлично в Принстоне, и я его не интересовала – хотя, конечно, он не преминул выразить неодобрение по поводу моего безответственного поведения. Сам-то Уолтер ни разу в жизни не поступил безответственно. Еще в школе он пользовался таким почтением у одноклассников, что те прозвали его Пророком (я не шучу, честное слово). Теперь он изучал инженерное дело: хотел построить инфраструктуру, которая поможет людям всего мира. (А я даже не знала, что такое инфраструктура, – можете добавить это к перечню моих грехов.) Хотя мы с Уолтером были примерно одного возраста – разница в два года, – мы даже в детстве никогда не играли вместе. Когда ему исполнилось девять, он убрал из своего поля зрения все, что касалось детских забав, включая младшую сестру. Для меня в его жизни места не нашлось, и я это понимала.

У друзей и подруг тоже была своя жизнь. Их ждали колледж, работа, замужество, взрослые дела – все то, что меня совершенно не интересовало и было выше моего понимания. Вот так и получилось, что никто меня не замечал и не собирался развлекать. Меня обуяли тоска и вялость. От скуки буквально подводило живот. Всю первую половину июня я бросала теннисный мяч о стену гаража и насвистывала «Маленький коричневый кувшинчик»¹, пока родители не взбеленились и не отправили меня к тете в город. И я их не виню.

Нет, они, конечно, опасались, что в Нью-Йорке из меня сделают коммунистку и наркоманку, но до скончания веков слушать, как дочь швыряет о стенку теннисный мяч, еще хуже.

Так я и оказалась в городе, Анджела, и вот там-то все началось.

В Нью-Йорк меня отправили на поезде – и что это был за поезд! «Эмпайр-Стейт-экспресс» прямиком из Ютики, сияющий хромированный механизм для отсылки бестолковых дочерей куда подальше. Вежливо попрощавшись с мамой и папой, я вручила свой багаж проводнику в красной шапочке и тут же почувствовала себя очень важной персоной. Всю дорогу до Нью-Йорка я просидела в вагоне-ресторане, где пила солодовое молоко, ела груши в сиропе, курила и листала журналы. Да, меня выгнали из дому – но с каким шиком!

В то время, Анджела, поезда были гораздо роскошнее нынешних.

---

¹ Песня, написанная Джозефом Истберном Виннером в 1869 году и получившая второе рождение благодаря исполнению оркестром Гленна Миллера. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Впрочем, обещаю не твердить через слово, мол, «в наши дни было лучше». Помню, в молодости я терпеть не могла стариковские сетования такого рода. (Да всем плевать! Всем плевать на ваше нытье про «золотое времечко», развалины вы старые!) К тому же, смею тебя заверить, я отдаю себе отчет в том, что далеко не все было лучше в 1940-е. К примеру, дезодоранты и кондиционеры тогда изрядно уступали нынешним, и воняло от всех жутко, особенно летом, а еще у нас был Гитлер. Но поезда, несомненно, были роскошнее нынешних. Вот когда ты в последний раз наслаждалась солодовым молоком и сигаретой в поезде? То-то же.

Я села в поезд в симпатичном голубом платье с узором из птичек, желтым кантом вдоль ворота, не слишком облегающей юбкой и глубокими карманами на бедрах. Я помню это платье с такой точностью, потому что, во-первых, всегда запоминаю, что на ком надето, – всегда, слышишь? – и, во-вторых, я сама его сшила. И потрудилась на славу. Платье длиной точно до середины икры получилось кокетливым и эффектным. Помню, я пришила к нему подплечники в отчаянной попытке хоть немного приблизиться к образу Джоан Кроуфорд, но сомневаюсь, что сработало. В этом платье, дополненном скромной шляпкой-колокольчиком и позаимствованной у мамы простой голубой сумочкой (набитой исключительно косметикой и сигаретами), я выглядела не столько богиней киноэкрана, сколько тем, кем и являлась: едущей в гости к родственникам девятнадцатилетней девственницей.

В Нью-Йорк девятнадцатилетнюю девственницу сопровождали два больших чемодана. В одном путешествовали мои наряды – каждая вещь аккуратно сложена и завернута в папиросную бумагу; во втором – ткани, тесьма и швейные принадлежности, то есть все, из чего можно сшить еще больше нарядов. Кроме того, я везла с собой громоздкий футляр со швейной машинкой – тяжелой неповоротливой штуковиной, крайне неудобной в транспортировке. Но машинка была мне как родная, и без нее я не могла жить.

Поэтому она отправилась со мной.

Этой машинкой – и всем, что впоследствии у меня появилось благодаря ей, – я обязана бабушке Моррис, поэтому давай отвлечемся на минутку и поговорим о ней.

При слове «бабушка», Анджела, тебе, верно, представляется милая старушка-одуванчик, убеленная сединой. Но это не про бабушку Моррис. Она была высокой темпераментной стареющей кокеткой с крашенными под красное дерево волосами; ее повсюду сопровождало облако духов и сплетен, а одевалась она как циркачка.

Это была самая яркая женщина в мире – яркая во всех смыслах слова. Бабушка носила платья из жатого бархата невероятных цветов – она не называла их «кремовый», «малиновый» или «голубой», как прочая публика с убогим воображением; нет: она говорила «пыльная роза», «бордо» и «делла Роббиа». У нее были проколоты уши, в отличие от большинства приличных дам тех времен; в обитых бархатом бабушкиных шкатулках для драгоценностей хранился клубок дешевых и дорогих бус, сережек и браслетов, который можно было распутывать бесконечно. У нее имелся особый автомобильный костюм для послеполуденных выездов в город и такие огромные шляпы, что в театре она укладывала их рядом с собой на соседнее кресло. Ей нравились котята и косметика, которую она заказывала по почтовым каталогам; она любила читать статьи о сенсационных убийствах в таблоидах и писала романтические стихи. Но больше всего на свете бабушка любила драму. Она не пропускала ни одного спектакля в нашем городе и обожала движущиеся картинки – кино. Я часто ходила с ней за компанию, так как вкусы у нас совпадали. (Нас обеих привлекали сюжеты, где невинных девиц в воздушных платьях похищают опасные мужчины в зловещих шляпах, а потом спасают другие мужчины с гордыми подбородками.)

Понятное дело, я любила бабушку Моррис.

Впрочем, больше в нашей семье ее не любил никто. Все, кроме меня, считали ее позором и недоразумением, особенно ее невестка (моя мать), для которой лучше было умереть, чем

прослыть фривольной. Говоря о бабуле, мама неизменно морщилась и называла ее не иначе как «эта вертихвостка».

Моя мать, как ты, верно, уже догадалась, романтических стихов не писала.

Но именно бабушка Моррис научила меня шить.

Она была превосходной швеей. (Ее, в свою очередь, тоже обучила бабушка, всего за одно поколение поднявшаяся от прислуги-эмигрантки из Уэльса до богатой американской леди, в немалой степени благодаря умению обращаться с иглой и ниткой.) Бабушка Моррис и из меня вознамерилась сделать превосходную швею. Поэтому мы не только ели ириски в кино и читали друг другу журнальные заметки о том, как невинных белых девушек продают в сексуальное рабство, но каждую свободную минуту посвящали шитью. И не просто шитью. Бабушка Моррис требовала от меня совершенства. Она делала десять стежков, затем предлагала мне сделать следующие десять, и если у меня не получалось столь же безупречно, как у нее, все распарывала и велела повторить. Она научила меня обращаться с нежнейшими материалами вроде тюля и кружева, и вскоре уже ни одна ткань меня не пугала, даже самая капризная. А крой! А подкладка! А выточки! В двенадцать лет я могла сшить корсет на китовом усе. Хотя никто, кроме бабушки Моррис, после 1910 года корсеты не носил.

В том, что касалось шитья, бабуля соблюдала строгость, и я охотно покорялась. Ее критика жалила, но не смертельно. Меня так увлекало создание нарядов, что обучение было только в радость, и я знала, что бабушка хочет лишь одного: сделать из меня настоящего мастера.

Ее редкая похвала окрыляла меня, и я еще усерднее овладевала искусством кройки и шитья.

На тринадцатилетие бабушка купила мне швейную машинку, которая впоследствии и отправилась со мной в Нью-Йорк на поезде, – изящный черный и убийственно мощный «Зингер-201». (Он брал даже кожу; при желании я могла бы прострочить обивку сидений «бугатти».) По сей день не припомню лучшего подарка. Я взяла «Зингер» с собой в школу-интернат и благодаря этой машинке обрела невероятное влияние в среде привилегированных учениц, которые мечтали хорошо одеваться, но сплошь и рядом не обладали достаточными навыками. Стоило одной сболтнуть, будто я могу сшить что угодно – а я и правда могла, – и ко мне выстроилась очередь. Девчонки из школы Эммы Уиллард одна за другой стучались ко мне в дверь, умоляя расставить платье в талии, подшить подол или подогнать по фигуре прошлогодний вечерний наряд старшей сестры. Ко мне пришла популярность – а это единственное, что имеет значение в школе. Да и не только в школе.

Должна сказать, была и еще одна причина, почему бабушка решила научить меня шить: фигура у меня не укладывалась в стандарты. С раннего детства я была слишком высокой и худой. Миновал переходный возраст, но я только еще больше вытянулась. Годы шли, а у меня по-прежнему не было бюста; туловище тянулось ввысь, как ствол дерева, а руки и ноги служили ему ветвями. Ни одно покупное платье не пришлось бы мне впору, так что проще было шить самой. А еще бабуля Моррис – благослови Господь ее душу – научила меня одеваться под стать своему высокому росту и не выглядеть при этом акробатом на ходулях.

Если тебе покажется, что я недовольна собственной внешностью, поверь, это не так. Я просто излагаю факты: да, я высокая и тощая, тут не поспоришь. Но если ты с тоской готовишься к истории гадкого утенка, который переехал в город и превратился в прекрасного лебедя, можешь не волноваться: моя история совсем другого сорта.

Я всегда была красавицей, Анджела.

Более того: я всегда это знала.

Безусловно, именно поэтому в вагоне-ресторане «Эмпайр-Стейт-экспресс» с меня не сводил глаз красивый мужчина, наблюдая, как я пью солодовое молоко и ем груши в сиропе.

Наконец он подошел и предложил мне огонька. Я кивнула, он сел напротив и начал со мной флиртовать. Мне очень льстило его внимание, но я совершенно не умела кокетничать и не знала, как себя вести. Поэтому в ответ на все его попытки завязать разговор я только глазела в окно и притворялась, будто погружена в раздумья. Я даже немного хмурилась, силясь выглядеть серьезной и значительной, хотя собеседник, наверное, счел меня скорее близорукой и угрюмой.

Ситуация грозила обернуться еще большей неловкостью, но в конце концов меня отвлекло собственное отражение в окне, которое надолго заняло мое внимание. (Прости, Анджела, но любая юная красотка готова бесконечно рассматривать себя в зеркале, так уж они устроены.) Оказалось, даже прекрасный незнакомец интересуется меня куда меньше формы собственных бровей. Дело было даже не столько в степени их ухоженности – которая меня тоже бесконечно волновала, – сколько в том, что тем летом я пыталась научиться поднимать одну бровь, пока другая остается неподвижной, как у Вивьен Ли в «Унесенных ветром». Тренировки, как ты можешь догадаться, требовали предельной концентрации. Время летело незаметно; утонув в собственном отражении, я забыла обо всем.

А когда очнулась, мы были уже на Центральном вокзале, моя прежняя жизнь осталась позади, а прекрасный незнакомец исчез.

Но не волнуйся, Анджела, прекрасных незнакомцев в этой истории будет вдосталь.

И кстати! Я же забыла рассказать – если, конечно, тебе интересно, – что бабушка Моррис умерла за год до того, как поезд доставил меня в Нью-Йорк. Ее не стало в августе 1939 года, всего за пару недель до начала моей учебы в Вассаре. Ее смерть не была неожиданной, бабушка уже несколько лет болела, но эта потеря – потеря лучшего друга, наставницы, самого близкого человека – потрясла меня до глубины души.

А знаешь, Анджела, не исключено, что именно поэтому я так плохо училась на первом курсе Вассара. Может, я и не настолько тупая и ленивая. Может, мне попросту было грустно.

Я лишь сейчас это поняла, когда написала тебе.

Господи.

Как же долго до нас иногда доходит.

Глава вторая

Итак, я прибыла в Нью-Йорк в целости и сохранности – невинный цыпленок только что из скорлупы, чуть ли не с желтком на перышках.

Тетя Пег должна была встретить меня на Центральном вокзале. Так мне сказали родители, посадив на поезд в Ютике с утра, но ничего конкретного не сообщили. Например, где именно мы с ней должны встретиться. Мне не дали ни номера телефона для экстренной ситуации, ни адреса на тот случай, если я потеряюсь. Мне просто велели «ждать тетю Пег на Центральном вокзале». И все.

Но Центральный вокзал огромен, на то он и центральный, и найти там кого-либо совершенно невозможно. Поэтому неудивительно, что по прибытии я тетю Пег не встретила. Я долго стояла на платформе с чемоданами и разглядывала снующую вокруг толпу, но не видела никого похожего на тетю Пег.

Не подумай, Анджела, что я не знала, как она выглядит. Мы с ней пару раз встречались, хотя тетя с отцом не были близки. (Это еще мягко сказано. Свою сестру папа одобрял не больше, чем их общую мать, бабушку Моррис. Когда за обеденным столом разговор заходил о тете Пег, отец фыркал: «Везет же некоторым – колесят по всему свету, живут в своем выдуманном мире, бросают деньги на ветер!») А я думала: «Вот это да!»

Когда я была маленькой, Пег иногда приезжала к нам на Рождество, но не слишком часто, так как постоянно гастролировала с театральной труппой. Но больше всего Пег запомнилась мне по нашему с папой визиту в Нью-Йорк: мне было одиннадцать, я сопровождала его в деловой поездке, и мы заехали к тете. Та повела меня на каток в Центральном парке. А потом к Санта-Клаусу. (Хотя мы обе согласились, что я слишком взрослая для Санта-Клауса, я бы ни за что такого не пропустила и втайне мечтала познакомиться с Сантой.) В довершение мы пообедали в ресторане со шведским столом. Один из чудеснейших дней в моей жизни. Мы с папой не стали ночевать в городе, потому что он ненавидел Нью-Йорк и боялся там оставаться, но ту поездку я запомнила навсегда. И просто влюбилась в тетю. Она держалась со мной на равных, как со взрослой, а что еще нужно одиннадцатилетней девочке, которую все считают ребенком?

Потом тетя Пег приезжала в мой родной Клинтон на похороны бабушки Моррис, своей матери. На службе она сидела рядом и держала мою руку в своей большой крепкой ладони. Это было непривычно и успокаивающе (в нашей семье никогда не держались за руки, представь себе). После похорон Пег крепко обняла меня – ручищи у нее были как у дровосека. Я совсем размякла в ее объятиях и выплакала целый Ниагарский водопад. От нее пахло лавандовым мылом, сигаретами и джином. Я вцепилась в тетку, как несчастная маленькая коала. Но после похорон нам не удалось как следует поговорить: ей нужно было возвращаться в город, где ее ждала работа над спектаклем. Мне стало стыдно, что я так разревелась у нее на груди, хотя это и помогло.

Ведь мы с ней были едва знакомы.

Строго говоря, на тот момент, когда я в девятнадцать приехала в Нью-Йорк, чтобы поселиться у тети, мне было известно о ней следующее.

Я знала, что Пег принадлежит театр «Лили», расположенный где-то в центре Манхэттена.

Знала, что она не собиралась строить театральную карьеру – все вышло случайно.

Знала, что она дипломированная медсестра, работала в Красном Кресте и во время Первой мировой войны служила во Франции.

Именно там, в лазаретах, Пег сообразила, что у нее гораздо лучше получается развлекать раненых солдат, чем лечить их. У нее обнаружился талант к постановке веселых незатейливых

спектаклей в полевых госпиталях и бараках – задешево и на скорую руку. Война – страшная штука, но каждого она чему-то учит. Тетя Пег научилась делать шоу.

После войны она надолго задержалась в Лондоне и устроилась там в театр. Работая над одной из постановок в Вест-Энде, познакомилась с будущим мужем Билли Бьюэллом – красивым, щеголеватым американским офицером. Он тоже решил остаться в Лондоне после войны и тоже работал в театре. Как и Пег, Билли происходил из хорошей семьи. Его родителей бабушка Моррис называла «тошнотворно богатыми». (Я долго пыталась постичь смысл этого выражения. Бабушка глубоко чтит богатство; сколько же должно быть у людей денег, чтобы даже ей стало тошно? Однажды я спросила ее напрямую, и она ответила: «Они же из Ньюпорта², деточка». Как будто других объяснений не требовалось.) Но Билли Бьюэлл, хоть и был из Ньюпорта, не желал иметь ничего общего с тем культурным классом, к которому принадлежал. Это их с Пег объединяло. Блеск и нищета театра были им куда милее аристократического лоска «клубного общества». А еще Билли был плейбоем и любил «повеселиться» – таким деликатным словом бабушка Моррис обозначала его склонность кутить напропалую, швыряться деньгами и гоняться за каждой юбкой.

После свадьбы Билли и Пег вернулись в Америку и основали гастролирующий театр. Почти десять лет – все 1920-е – они колесили по стране с небольшой труппой и давали представления в маленьких городках. Билли писал сценарии спектаклей и играл в них главные роли; Пег подвизалась режиссером-постановщиком. К славе они не стремились: их привлекала беззаботная жизнь безо всяких взрослых обязательств. И все-таки, несмотря на отсутствие амбиций, успех их наступил.

В 1930 году, в разгар Великой депрессии, когда американцы смотрели в будущее со страхом и тревогой, мои дядя с тетей неожиданно поставили хит. Билли написал пьесу «Ее веселая интрижка» – такую жизнерадостную и забавную, что люди готовы были смотреть и пересматривать ее по нескольку раз. Это был музыкальный фарс о британской наследнице из высшего света, которая влюбляется в американского плейбоя (естественно, его играл Билли Бьюэлл). Пьеса представляла собой легкомысленный пустячок, как и прочие спектакли Пег с Билли, но почему-то обрела необычайную популярность. Возможно, причина заключалась в том, что шахтерам и фермерам по всей Америке в то время отчаянно не хватало радости и они готовы были вытрясти из карманов последнюю мелочь, чтобы похихотать над «Ее веселой интрижкой». И вот простецкая бестолковая пьеса превратилась в гусыню, несущую золотые яйца. Она достигла такой популярности и собрала столько хвалебных отзывов в прессе, что в 1931 году Билли и Пег приехали с ней в Нью-Йорк и целый год выступали в крупном бродвейском театре.

В 1932 году кинокомпания «Эм-Джи-Эм» экранизировала «Ее веселую интрижку». Сценарий вновь написал Билли, но главная роль досталась не ему. Ее отдали Уильяму Пауэллу, а Билли к тому времени решил, что стезя сценариста привлекательнее актерской. Сценаристы сами решают, когда работать, не зависят от зрительских симпатий, и режиссеры не указывают им, что делать. За успехом фильма «Ее веселая интрижка» последовала целая серия прибыльных продолжений: «Ее веселый развод», «Ее веселый малыш», «Ее веселое сафари» – несколько лет Голливуд выпекал хиты один за другим, аки сосиски в тесте. Вся эта чехарда с экранизациями принесла Билли и Пег немало денег, но также обозначила конец их брака. Билли влюбился в Голливуд и остался там. Пег же решила закрыть гастролирующий театр и на свою половину дохода от фильмов купила громадное старое полузаброшенное здание в Нью-Йорке: театр «Лили».

Все это случилось примерно в 1935 году.

---

² В начале XX века в Ньюпорте находились летние особняки богатейших семей Америки, в том числе Вандербильтов и Асторов.

Официально Билли и Пег так и не развелись. И хотя они никогда не ссорились, после 1935 года супругами они быть перестали, пожалуй, во всех смыслах. Они жили и работали отдельно, а также, по настоянию Пег, разделили счета, то есть моя тетя больше не могла претендовать на дядино баснословное ньюпортское наследство. Бабушка Моррис не понимала, как можно добровольно отказаться от такого состояния, и, вспоминая об этом, с нескрываемым разочарованием вздыхала: «Увы, деньги Пег никогда не интересовали». Она считала, что Пег и Билли не оформили развод, потому что не хотели утруждать себя формальностями – богема, что с них взять. А может, они по-прежнему любили друг друга? Если и так, это была любовь, которая горячее всего на расстоянии, когда супругов разделяет целый континент. «И нечего смеяться, – замечала бабушка. – Раздельное проживание спасло бы многие браки!»

Сам дядя Билли все мое детство где-то пропадал – то на гастролях, то в Калифорнии. И пропадал он с таким завидным постоянством, что я его даже ни разу не видела. Для меня Билли Бьюэлл был легендой: я знала его лишь по рассказам и фотографиям. Но что это были за рассказы – и что за фотографии! Мы с бабушкой Моррис постоянно натывались на снимки Билли в таблоидах о жизни голливудских звезд и читали о нем в колонке сплетен Уолтера Уинчелла и Луэллы Парсонс. Однажды мы узнали, что он был гостем на свадьбе Джанет Макдональд и Джина Рэймонда, – восторгу нашему не было предела! В еженедельнике «Вэрайети» красовалась дядина фотография со свадебного приема. Он стоял за спиной блистательной Джанет Макдональд, на которой было свадебное платье нежнейшего розового оттенка. На фото Билли любезничал с Джинджер Роджерс и ее тогдашним мужем Лью Эйрсом. Бабушка ткнула в дядю пальцем и сказала: «Ты только глянь. Наш пострел везде поспел, колесит по всей стране. Смотри, как Джинджер ему улыбается! Будь я Лью Эйрсом, глаз не сводила бы со своей женушки».

Я хорошенько разглядела фото с помощью бабушкиной лупы, украшенной драгоценными камушками. Красивый блондин во фраке слегка касался руки Джинджер Роджерс, а та буквально сияла от счастья. Надо сказать, дядя Билли гораздо больше походил на кинозвезду, чем окружавшие его настоящие кинозвезды.

Не верилось, что такой мужчина когда-то женился на тете Пег.

Пег, конечно, замечательная, но вполне обычная, домашняя. И что он в ней нашел?

Тети Пег нигде не было.

С прибытия поезда прошло уже немало времени, и я оставила надежду, что меня встретят на платформе. Отдав багаж служителю в красной шапочке, я нырнула в плотный людской поток, изо всех сил пытаясь разглядеть в этом хаосе тетю. Ты, верно, решишь, что я струхнула, очутившись в Нью-Йорке одна без плана действий и сопровождающих, но я почему-то ни капли не испугалась. Я не сомневалась, что все закончится хорошо. Вероятно, причина в воспитании: девушки из хороших семей даже мысли не допускают, что в нужный момент никто не явится их спасти.

Наконец мне надоело бродить в толпе, я села на скамейку на самом видном месте в главном зале и стала ждать спасения.

И дождалась.

Спасителем оказалась невысокая седая дама в скромном сером костюме. Она ринулась ко мне, точно сенбернар к заплутавшему в снегах лыжнику, – с целеустремленной сосредоточенностью и боевой решимостью.

Вообще-то, слово «скромный» описывает ее костюм недостаточно точно. Он напоминал двубортный квадратный шлакоблок. Такие костюмы специально придуманы с целью обдурить весь мир, убедив его, что у женщин нет груди, талии и бедер. Этот наряд могли сшить только в Англии. На него было страшно смотреть. Кроме того, на женщине были черные массивные

оксфордские туфли на низком каблуке и старомодная зеленая войлочная шляпа – любимый фасон заведующих сиротскими приютами. Я знала такой типаж по школе: бедные старые девы, которые пьют какао за ужином и полощут горло соленой водой для повышения тонуса.

Серая мышь, скучная от макушки до пяток, а главное, намеренно скучная.

Дама-шлакоблок решительно шагала ко мне с суровым видом, держа в руках фотографию в затейливой серебряной раме пугающих размеров. Она взглянула на снимок, затем на меня.

– Вивиан Моррис? – спросила она. Чистейший британский выговор сообщил мне, что моя догадка верна и двубортный костюм действительно прибыл из Англии вместе со своей хозяйкой.

Я кивнула.

– Ты выросла, – сообщила дама.

Я недоуменно вытаращилась на нее. Она меня знает? А я ее? Мы встречались, когда я была маленькой?

Заметив мою растерянность, незнакомка продемонстрировала фотографию в серебряной раме, которую держала в руках. Я с удивлением обнаружила, что смотрю на наш семейный портрет, сделанный примерно за четыре года до этого. Его снимали в настоящей фотостудии, потому что моя мать решила, что нам всем необходим «хотя бы один нормальный портрет». Родители стояли с недовольным видом – еще бы, ведь напротив них суеился за фотоаппаратом обычный трудяга, смущая их своей принадлежностью к рабочему классу. Мой братец Уолтер с задумчивым лицом опустил руку матери на плечо. Я была еще более худосочной, чем сейчас, и очень странно смотрелась в детском матросском костюмчике.

– Оливия Томпсон, – представилась дама голосом, свидетельствующим о том, что она привыкла делать подобные объявления. – Я секретарь твоей тети. Она не смогла приехать. В театре возникло ЧП. Небольшой пожар. Она отправила меня встретить тебя. Прости, что заставила ждать. Я уже несколько часов здесь хожу, но, поскольку для опознания мне дали только эту фотографию, найти получилось не сразу. Как видишь.

В тот момент меня разобрал смех, как и сейчас, когда я об этом вспоминаю. Мне показалась ужасно забавной картина, как суровая немолодая тетка бродит по Центральному вокзалу с гигантским семейным портретом в серебряной раме, который будто в спешке сорвали со стены богатого дома (собственно, так оно и было), и заглядывает каждому в лицо, пытаясь сопоставить стоящего перед ней человека с девочкой на фотографии, снятой четыре года назад. И как я раньше ее не заметила?

Но Оливия Томпсон явно считала, что ничего смешного тут нет.

Вскоре я узнала, что для нее такое поведение было типичным.

– Забери багаж, – скомандовала она. – И поедem в «Лили». Вечернее представление уже началось. Давай быстрее. И чтоб без фокусов.

Я послушно засеменила за ней – утенок, следующий за мамой-уткой.

Без фокусов.

В мыслях крутилось: «Небольшой пожар?» – но задавать вопросы не хватило духу.

Глава третья

Впервые приехать в Нью-Йорк можно только раз, Анджеला, и это великое событие.

Ты, может, и не поймешь всей романтики, ведь ты в Нью-Йорке родилась. Для тебя наш прекрасный город существовал всегда. А может, ты любишь его гораздо больше, чем я, чувствуешь с ним особое родство, которого мне не понять. Одно знаю точно: тебе повезло, что ты выросла здесь. Но очень не повезло, что не случилось приехать сюда впервые. Тут я тебе сочувствую, ведь ты упустила самое невероятное впечатление в жизни.

Тем более если речь о Нью-Йорке в 1940 году.

Таким город не будет уже никогда. Я не хочу сказать, что до или после 1940-го Нью-Йорк был хуже или лучше. У каждого времени свой шарм. Но когда юная девушка приезжает в Нью-Йорк впервые, город словно рождается на ее глазах, отстраивается заново лишь для нее одной. И тот город, то место – второго такого Нью-Йорка не было и не будет. Он навек отпечатался в моей памяти, как засушенная под прессом орхидея. Мой идеальный Нью-Йорк – он всегда останется таким.

У тебя есть свой идеальный Нью-Йорк, у каждого он свой, – но тот город навечно принадлежит мне.

Дорога от Центрального вокзала до театра заняла совсем немного времени – мы пересекали город по прямой, – однако таксист вез нас через самое чрево Манхэттена, где новичку легче всего почувствовать пульс города. У меня разбежались глаза, я дрожала от волнения; хотелось рассмотреть все сразу. Но я вспомнила о хороших манерах и попыталась завести со своей сопровождающей светскую беседу. Оливия, впрочем, оказалась не из тех, кто испытывает потребность беспрерывно сотрясать воздух словами, и ее загадочные ответы лишь порождали новые вопросы, которые, как подсказывало мне чутье, она не соизволит обсуждать.

– Давно вы работаете на тетю? – спросила я.

– С тех пор, как Моисей в пеленках лежал.

С минуту я переваривала ответ.

– И чем вы занимаетесь в театре?

– Ловлю все, что падает, пока не разбилось.

Некоторое время мы ехали в тишине, и я пыталась уложить в голове слова Оливии. Потом решила возобновить разговор:

– А какой спектакль сейчас идет?

– «Жизнь с матерью». Мюзикл.

– О, кажется, я про него слышала!

– Вряд ли. Ты слышала про «Жизнь с отцом»³. Бродвейская пьеса, была хитом в прошлом году. А у нас – «Жизнь с матерью». Мюзикл.

«А это законно?» – подумалось мне. Разве можно взять бродвейский хит, изменить одно слово в названии и поставить в другом театре? Оказалось, можно, если на дворе сороковые, а «другой» театр – это «Лили».

– А вдруг люди по ошибке купят билеты на ваш мюзикл, решив, что идут на «Жизнь с отцом»? – спросила я.

– Бывает, – хмыкнула Оливия. – Значит, им не повезло.

Тут я почувствовала себя маленькой надоедливой дурочкой и решила впредь молчать. Остаток пути я просто смотрела в окошко. Было невероятно увлекательно разглядывать город, проносящийся мимо. Куда ни повернись, открывались замечательные виды. Стоял чудесный

---

³ Пьеса Говарда Линдси и Рассела Круза по юмористической книге Кларенса Дэя, с успехом шедшая на сцене более десяти лет.

летний вечер, было уже поздно, а нет ничего прекраснее позднего летнего вечера в центре Манхэттена. Только что прошел дождь. Над головой алело закатное небо. В окошке мелькали зеркальные небоскребы, неоновые вывески, блестящие мокрые улицы; по тротуарам бежали, шли, прогуливались и фланировали люди. Высоченные экраны на Таймс-сквер изливали на прохожих ослепительно сияющий поток рекламы и свежайших новостей. Вспыхивали огнями торговые галереи, платные дансинги, кафетерии, театры и кинозалы, роскошью не уступающие дворцам. А я, как зачарованная, не могла отвести от них глаз.

Не доезжая Девятой авеню, мы свернули на Сорок первую улицу. Тогда она не блистала красотой; впрочем, и сейчас немногим лучше. Но в 1940-м вся улица состояла из хитросплетения пожарных лестниц и запасных выходов домов, чьи парадные фасады смотрели на Сороковую и Сорок вторую улицы. А в центре невзрачного квартала сияло огнями единственное здание – «Лили», театр моей тетушки, чьи подсвеченные афиши зазывали на «Жизнь с матерью».

До сих пор так и вижу его. Настоящая махина, построенная, как я теперь знаю, в стиле ар-нуво, но тогда просто поразившая меня своей громадой. Фойе явно должно было создавать впечатление вопиющей роскоши. Здесь царил торжественный полумрак: дорогие деревянные панели на стенах, лепные потолки, кроваво-красная напольная плитка и массивные старинные светильники от «Тиффани». Интерьер украшала пожелтевшая от табачного дыма роспись с изображениями полуголых нимф, забавляющихся с сатирами, – и одной из забавниц в скором времени явно грозили известные неприятности, если она не поостережется. Были там и картины, где мускулистые героини с толстенными икрами боролись с морскими чудовищами, но сценки выглядели скорее эротично, чем воинственно (складывалось впечатление, будто цель схватки – вовсе не победа в бою, если ты меня понимаешь). В других сюжетах стенной росписи фигурировали дриады, которые грудью вперед высвобождались из древесных пут, пока в ручейке по соседству плескались наяды, с энтузиазмом поливая водой голые торсы друг дружки. Резные колонны увивали мраморные виноградные гроздья и глициния – и, разумеется, лилии. Короче, обстановка была откровенно бордельная. И она сразу меня покорила.

– Пойдем прямо на спектакль. – Моя провожатая взглянула на часы. – Слава богу, он вот-вот кончится.

Она распахнула массивные двери, ведущие в зрительный зал. К моему огорчению, Оливия Томпсон воспринимала свое рабочее место с такой брезгливостью, будто ей противно здесь до чего-либо дотрагиваться, но я... я была совершенно очарована. Внутри театр поистине ошеломлял – громадный и сверкающий, как старинная шкатулка с драгоценностями, внутрь которой я ненароком попала. Меня восхищало решительно все: слегка покосившиеся подмостки, ряды не слишком удобных кресел, тяжелый пурпурный занавес, тесная оркестровая яма, потолок с позолотой и массивная поблескивающая люстра, при взгляде на которую первым делом возникал вопрос: «А если она рухнет?..»

Здесь все было грандиозным, и все нуждалось в обновлении. Зал напомнил мне бабушку Моррис – не только из-за ее любви к роскошным старым театрам, но и потому, что сама она выглядела точно так же: старая, но с гонором и разодетая в поеденный молью бархат.

Мы стояли в глубине зала, прислонившись к стене, хотя свободных мест было предостаточно. Если честно, зрителей оказалось немногим больше, чем актеров на сцене. Оливия тоже это заметила. Посчитав публику по головам, она записала число в блокнотике, который выудила из кармана, и тяжело вздохнула.

На сцене тем временем творилось нечто невероятное. Видимо, мы действительно попали на самый финал, поскольку чуть ли не все актеры высыпали на подмостки одновременно, и каждый вел свою партию. У задника смешанный кордебалет отплясывал канкан; танцоры улыбались во весь рот и задирали ноги выше головы. В центре миловидный юноша и бойкая девушка отбивали чечетку с таким пылом, будто у них горели подметки; при этом парочка во весь голос распевала, что «теперь все будет хорошо, мой друг, ведь это-это-это любовь!».

По левому флангу выстроилась колонна артисток бурлеска. Их костюмы и жесты балансировали на грани дозволенного цензурой, но роль в сюжете оставалась неясной (если допустить, что у постановки вообще был сюжет). Похоже, их задача состояла в том, чтобы, вытянувшись в струнку, медленно поворачиваться вокруг своей оси, дабы зритель мог в полной мере и со всех ракурсов насладиться их статями прекрасных амазонок. С другого края сцены мужчина в костюме бродяги жонглировал кеглями.

Даже для финала действие продолжалось очень долго. Гремел оркестр, отплясывал кордебалет, счастливая запыхавшаяся парочка никак не могла поверить в наступление безбрежного счастья, артистки бурлеска в медленном развороте демонстрировали свои фигуры, жонглер потел и подбрасывал кегли – и вдруг все инструменты слились в едином мощном аккорде, прожекторы завертелись, руки актеров одновременно взметнулись вверх, и все кончилось!

Раздались аплодисменты.

Не шквал оваций, нет. Скорее легкий шелестящий ветерок.

Оливия не аплодировала. Я из вежливости похлопала, хотя в глубине зала мои хлопки казались особенно одинокими. Впрочем, аплодисменты быстро стихли. Актерам пришлось покидать сцену в почти полной тишине, а это плохой знак. Публика мрачно проследовала мимо нас к выходу, словно горстка трудяг, бредущих домой после тяжелого рабочего дня (собственно, они ими и были).

– Думаете, им понравилось? – спросила я Оливию.

– Кому?

– Зрителям.

– Зрителям? – Оливия растерянно моргнула, словно раньше ей даже не приходило в голову, что у них есть свое мнение. Поразмыслив, она ответила: – Уясни одну вещь, Вивиян: у наших зрителей не бывает ни особых надежд на входе в «Лили», ни особых восторгов на выходе.

Судя по тону, она вполне одобряла такой расклад или, по крайней мере, давно с ним смирилась.

– Пошли, – сказала она. – Твоя тетя за кулисами.

Туда мы и отправились, нырнув в шум, гам и суету, которые неизменно поднимаются за сценой после спектакля. Все сновали туда-сюда, кричали, курили, переодевались. Танцовщицы подносили друг другу зажигалки, артистки бурлеска снимали головные уборы. Рядом несколько рабочих в комбинезонах таскали декорации, хоть и без особого рвения. То и дело раздавался громкий залиvistый смех, но не потому, что было над чем смеяться; просто вокруг были артисты, а они всегда не прочь повеселиться.

И тут я увидела свою тетю Пег. Высокую, дюжую, с папкой в руке. Ее каштановые с проседью волосы были коротко и неудачно подстрижены, отчего Пег смахивала на Элеонору Рузвельт, но с более волевым подбородком. На ней были длинная саржевая юбка цвета лососины и оксфордская рубашка – по всей видимости, мужская. А еще синие гольфы до колен и бежевые мокасины. Если по описанию костюм показался тебе безвкусным, Андже́ла, поверь, ты не ошиблась. Он был безвкусным тогда, безвкусен сейчас и останется безвкусным, даже когда погаснет солнце. Никому не под силу стильно выглядеть в саржевой юбке цвета лососины в комплекте с голубой мужской рубашкой, гольфами и мокасинами!

Тетин нелепый наряд казался еще более нелепым по контрасту с облачением двух восхитительно прекрасных артисток бурлеска, с которыми она говорила. Сценический грим придавал им неземной шик, на головах высились прически из сияющих локонов. Обе накинули поверх костюмов розовые шелковые халаты. Я еще ни разу не видела, чтобы женщины так откровенно выставляли себя напоказ. Одна из них, блондинка – заметь, платиновая, – обладала такой фигурой, что Джин Харлоу удавилась бы от зависти. Вторую, жгучую брюнетку, я

приметила еще из глубины зала благодаря ее исключительной красоте. (Впрочем, особой зоркости не потребовалось: такую сногшибательную девицу приметил бы и марсианин со своего Марса.)

– Вивви! – воскликнула Пег и ослепительно улыбнулась, отчего на душе у меня сразу потеплело. – Малышка! Ты все-таки добралась!

«Малышка!»

Ни разу в жизни меня не называли малышкой, и по неведомой причине я так расчувствовалась, что захотелось броситься в тетины объятия и зарыдать. Как здорово было услышать это ее «все-таки добралась» – как будто меня хвалили за великое достижение! А ведь на самом деле список моих достижений ограничивался тем, что меня сначала вышвырнули из колледжа, потом из родительского дома и наконец я потерялась на Центральном вокзале. Но искренний восторг тети Пег пролился бальзамом мне на душу. В кои-то веки я пришлась ко двору. И не просто ко двору: мне были рады.

– С Оливией ты уже знакома. Она смотритель нашего зверинца, – пояснила Пег. – А это Глэдис, наша прима...

Платиновая блондинка улыбнулась, надула пузырь из жвачки и промурлыкала:

– При-иве-ет.

– ...и Селия Рэй из кордебалета.

Селия протянула изящную руку и глубоким голосом произнесла:

– Очень приятно. Я очарована.

Тембр у нее был просто невероятный. Дело было не только в сильном нью-йоркском акценте, но и в заметной хрипотце. Артистка варьете с голосом Лаки Лучано⁴!

– Ты ужинала? – спросила Пег. – Небось с голоду умираешь?

– Да нет, – ответила я. – Не то чтобы умираю, хотя толком не ужинала.

– Тогда пошли скорее куда-нибудь! Опрокинем пару стаканчиков и наверстаем упущенное.

Тут вмешалась Оливия:

– Багаж Вивиан еще не доставили наверх, Пег. Чемоданы так и стоят в фойе. Девочка целый день провела в пути, ей наверняка хочется освежиться. А нам не мешало бы подумать над распределением ролей.

– Ребята сами принесут ее вещи, – отмахнулась Пег. – И выглядит она вполне свежо, как по мне. А над распределением ролей и думать нечего.

– Над распределением ролей всегда не мешает подумать.

– Завтра разберемся, – отрезала Пег, к вящему неудовольствию Оливии. – Не хочу я сейчас говорить о делах. Я бы сейчас убила за хороший обед, а еще больше мне хочется выпить. Давай все-таки выберемся, а?

Пег как будто просила у Оливии разрешения.

– Не сегодня, Пег, – твердо произнесла Оливия. – День выдался долгий. Девочка устала. Ей нужно отдохнуть и устроиться на новом месте. Наверху Бернадетт приготовила мясной рулет, а я могу сделать бутерброды.

Пег, кажется, приуныла, но уже через минуту снова повеселела.

– Значит, идем наверх! – провозгласила она. – Давай, Вивви! Вперед!

Уже потом я узнала о своей тете одну интересную вещь: когда она говорила «идем», подразумевалось, что приглашаются все, кто находится непосредственно в зоне слышимости. За ней всегда тянулась толпа, и тетю не особенно заботило, из кого эта толпа состоит.

---

⁴ Главарь итальянской мафии в Нью-Йорке в 1930-е годы.

Вот почему тем вечером в жилых помещениях над театром ужинали не только мы с Пег и Оливией, но и Глэдис с Селией, артистки бурлеска. А еще тщедушный юноша, которого Пег в последнюю минуту перехватила на выходе из-за кулис. Я узнала в нем одного из танцоров кордебалета. Казалось, пареньку не больше четырнадцати и ужин ему совсем не повредит.

– Роланд, пойдем наверх, поешь с нами, – предложила тетя.

Роланд замялся:

– Спасибо, Пег, обойдусь.

– Не волнуйся, дорогой, еды у нас много. Бернадетт приготовила большой мясной рулет. На всех хватит.

Оливия было запротестовала, но Пег шикнула на нее:

– Ой, Оливия, довольно изображать надзирательницу! Если надо, я своей порцией подеюсь. Роланду не мешало бы поправиться, а мне похудеть, так что все в выигрыше. И дела у нас не так уж плохи. Можем позволить себе прокормить несколько лишних ртов.

Мы направились к выходу из зрительного зала, где широкая лестница вела наверх, в апартаменты над театром. Поднимаясь по ступенькам, я таращилась на Селию и Глэдис, так называемых шоу-герлз. Таких красоток я в жизни не видела. В школе Эммы Уиллард тоже был театр, но там играли совсем другие девчонки. Из тех, кто никогда не моет голову, носит черные трико и воображает себя Медеей на сцене и в жизни. Я их терпеть не могла. А Глэдис и Селия – те принадлежали к особой категории. Даже особой расе. Меня завораживали их манера держаться, акцент, грим, движение бедер под шелковыми халатами. Кстати, Роланд двигался точно так же. Его жесты были плавными, он мягко покачивал бедрами. А как все они тараторили! Обрывки сплетен и слухов сыпались на меня, как дождик ярких конфетти.

– Да ничего в ней нет, кроме фигуры! – говорила Глэдис, видимо, о какой-то знакомой.

– Там и фигуры нет, – парировал Роланд, – только ноги.

– На одних ногах далеко не уедешь, – отвечала Глэдис.

– На сезон хватит, – встряла Селия, – хотя как знать.

– А ее кавалер еще хуже.

– О, этот дурень!

– Дурень-то дурень, а от халявного шампанского ни разу не отказался!

– Ей бы поставить его на место.

– На него где сядешь, там и слезешь.

– Сколько можно работать билетершей?

– Но вы видели ее кольцо? Такой бриллиант ого-го сколько стоит.

– Лучше бы трезво поразмыслила о будущем.

– Лучше нашла бы себе богатого папика из глухомани.

О чем шла речь? Что имелось в виду? Кто эта бедняжка, которой перебивали косточки? Какое будущее светит простой билетерше, которая не умеет трезво мыслить? Кто подарил ей кольцо с бриллиантом? И откуда берется халявное шампанское? Все эти вопросы несказанно меня волновали. Ведь это же так важно! И что еще за «папик из глухомани»?

Никогда еще я так отчаянно не жаждала услышать окончание истории, а ведь у нее даже не было сюжета – лишь безымянные персонажи, намеки на действие и атмосфера надвигающегося кризиса. Сердце пустилось вскачь – да и как тут устоять девятнадцатилетней балбеске вроде меня, которая в жизни не думала ни о чем серьезном!

Мы вышли на тускло освещенную лестничную площадку, Пег отперла дверь и впустила нас внутрь.

– Вот ты и дома, малышка, – сказала она.

«Дом» тети Пег занимал третий и четвертый этажи театра «Лили». Здесь располагались жилые помещения, а на втором этаже, как я потом узнала, была контора. Первый этаж занимал

сам театр: фойе и зрительный зал, их я тебе уже описывала. Но третий и четвертый этажи служили домом. Там мы и расположились.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: Пег ничего не смыслит в дизайне интерьеров. Если допустить, что она обставляла комнаты по своему вкусу, а не как придется, то вкус у нее явно хромал: повсюду громоздилась массивная антикварная мебель, давно вышедшая из моды и дополненная стульями от разных гарнитуров. Все это было расставлено без всякой системы. Как и в доме моих родителей, на стенах висели мрачные темные картины, видимо доставшиеся по наследству от кого-то из родственников, – выцветшие гравюры с лошадьми и портреты чопорных старых квакеров. Серебро и фарфор тоже присутствовали, как и у нас дома, – подсвечники, сервизы и прочая утварь, с виду иногда даже недешевая, хотя как знать? Все эти вещицы казались чужими и нелюбимыми. Зато повсюду стояли пепельницы, и вот они-то выглядели так, будто ими часто пользуются и очень их любят.

Не могу сказать, что там была совсем уж дыра: не грязно, а просто как-то бестолково. По пути мы миновали столовую – точнее, комнату, которая в любом другом доме называлась бы столовой, но у тети Пег вместо большого обеденного стола посреди комнаты размещался стол для пинг-понга. Еще больше меня удивило, что прямо над ним нависала громадная люстра, которая наверняка мешала играть.

Наконец мы расположились в просторной гостиной – такой большой, что сюда поместилось довольно много мебели и даже рояль, бесцеремонно втиснутый в угол.

– Кто-нибудь хочет выпить? – спросила Пег, направляясь к бару. – Мартини? Кому? Всем?

Нестройный хор голосов подтвердил, что все хотят мартини.

Вернее, почти все. Оливия от выпивки отказалась и хмуро уставилась на Пег, смешивающую коктейли. Она будто подсчитывала в уме стоимость каждой порции вплоть до полпенни (не исключено, что именно этим она и занималась).

Тетя вручила мне мартини, словно мы с ней всю жизнь вместе выпивали и это самое обычное дело. К собственному удовольствию, я почувствовала себя совсем взрослой. Мои родители тоже пили (ну еще бы, а какой белый англосакс не пьет?), но меня никогда не приглашали. Приходилось прикладываться тайком. Теперь, видимо, не придется.

Чин-чин!

– Пойдем, покажу тебе твои комнаты, – сказала Оливия.

Я последовала за ней по коридору, узкому, как кроличья нора. В конце коридора была дверь, ее-то Оливия и открыла.

– Это квартира твоего дяди Билли. Пег решила поселить тебя здесь.

Я удивилась:

– У дяди Билли есть тут квартира?

Оливия вздохнула:

– Твоя тетя питает к мужу такие нежные чувства, что держит для него эти апартаменты, чтобы ему было где остановиться, случись он проездом в городе.

Возможно, мне показалось, но «нежные чувства» Оливия произнесла таким тоном, каким обычно говорят «неизлечимая сыпь».

Что ж, спасибо тете Пег за любовь к дяде Билли: его квартира оказалась чудесной. В отличие от других помещений наверху, ее не захламляла уродливая мебель, наоборот – здесь чувствовался стиль. Маленькую гостиную с камином дополнял красивый письменный стол из черного лакированного дерева, на котором стояла печатная машинка. На полу спальни – с окнами на Сорок первую улицу и двуспальной кроватью из хромированного металла и темного дерева – лежал белоснежный ковер. Прежде я никогда не стояла на белом ковре. К спальне примыкала просторная гардеробная с большим зеркалом в хромированной раме и абсолютно

пустым новеньким шкафом. В углу я заметила маленькую раковину. Везде было безупречно чисто.

– Отдельной ванной комнаты тут нет, к сожалению, – сообщила Оливия, пока рабочие в комбинезонах заносили мои чемоданы и швейную машинку в гостиную. – Через коридор – общая ванная, будешь пользоваться ею пополам с Селией, она тут тоже временно живет. В другом крыле – квартиры мистера Герберта и Бенджамин. У них своя ванная.

Я понятия не имела, кто такие мистер Герберт и Бенджамин, но сообразила, что вскоре нам предстоит познакомиться.

– А вдруг квартира понадобится Билли?

– Сильно сомневаюсь.

– Точно? Если он приедет и захочет пожить здесь, я, конечно, могу переселиться и в другую комнату... Я к тому, что апартаменты шикарные, мне подойдет и попроще.

Я лгала. Я хотела жить именно в этой квартире, жаждала ее всем сердцем и в мечтах уже видела своей. Здесь я, Вивиан Моррис, добьюсь чего угодно!

– Твой дядя не появлялся в Нью-Йорке уже четыре года, – отчеканила Оливия, сверля меня своим фирменным взглядом: будто она просматривает мысли собеседника, как кинохронику. – Можешь располагаться и не тревожиться на его счет.

Какое счастье!

Я достала самое необходимое, умылась, припудрила нос, причесалась и вернулась в большую захламленную гостиную. В мир Пег, полный новизны и шумной суеты.

Оливия пошла на кухню и принесла маленький мясной рулет, гарнированный пожухлыми салатными листьями. Она верно рассчитала, что его на всех не хватит. Но вскоре вернулась с колбасой и хлебом, половинкой обглоданной курицы, блюдцем маринованных огурчиков и бумажными коробочками с остывшей китайской едой. Кто-то открыл окно и включил небольшой вентилятор, но в комнате по-прежнему было жарко и душно.

– Ешьте, детки, – сказала Пег, – берите, сколько кому надо.

Глэдис и Роланд набросились на мясной рулет, точно пара голодных крестьян. Я выбрала китайское рагу из свинины. Селия к еде не притронулась и молча сидела на диване, держа в одной руке бокал с мартини, а в другой – сигарету. Воплощенная грация.

– Как прошло начало спектакля? – спросила Оливия. – Я только конец застала.

– До «Короля Лира» не дотягивает, – пожалала плечами Пег. – Но самую чуточку.

И без того хмурая Оливия нахмурилась еще сильнее:

– Что-то случилось?

– Да ничего не случилось, – отмахнулась Пег. – Совершенно проходной спектакль, но горевать тут не о чем. Он с самого начала был проходным. Никто из зрителей не пострадал. Все ушли на своих двоих. К тому же на следующей неделе у нас новая постановка, так что уже не важно.

– А отчет по кассе? Сколько собрали за дневной спектакль?

– Чем меньше мы будем говорить об этом, тем лучше, – заметила Пег.

– Сколько мы выручили, Пег?

– Не спрашивай о том, чего не хочешь знать, Оливия.

– Но я должна знать. С такой аудиторией, как сегодня, мы долго не протянем.

– И вот это ты называешь аудиторией? Какая прелесть! На пятичасовом я насчитала сорок семь человек.

– Пег! Этого слишком мало!

– Оливия, не дрейфь. Летом всегда меньше народу. И нам ли жаловаться? Хотели бы собирать стадионы – устраивали бы бейсбольные матчи. Или раскошелились на кондиционер.

Давай-ка лучше сосредоточимся на новом шоу: на следующей неделе премьера спектакля про южные моря. Если кордебалет начнет репетировать завтра с утра, ко вторнику управится.

– Только не завтра с утра, – возразила Оливия. – Завтра у нас детская танцевальная студия. Я сдала зал.

– Вот умница. Мне бы твою смекалку. Значит, завтра вечером.

– И вечером нельзя. Я опять сдала зал. Под уроки плавания.

Пег оторопела:

– Уроки плавания? Здесь?

– Муниципальная программа. Детей из окрестных домов учат плавать.

– Плавать? Оливия, они зальют сцену водой?

– Разумеется, нет. Это называется сухое плавание. Уроки проходят без воды.

– То есть плавание преподают как теоретическую науку?!

– Вроде того. Обучают самым основам. Дети сидят на стульях. Все это оплачивается из городской казны.

– Ясно. Давай так: сообщи Глэдис, когда зал свободен. Когда нет ни детских танцевальных классов, ни уроков сухого плавания и можно назначить репетицию, чтобы наконец запустить в работу шоу про южные моря.

– После обеда в понедельник, – с ходу ответила Оливия.

– После обеда в понедельник, Глэдис! – окликнула Пег приму бурлеска. – Слышишь? Сможешь всех собрать?

– Все равно я не люблю репетировать утром, – буркнула Глэдис. Я не поняла, значит это «да» или «нет».

– Ничего сложного придумывать не надо, Глэдди, – сказала Пег. – Кусочек оттуда, кусочек отсюда – ты знаешь, как это делается.

– Я тоже хочу участвовать, – подал голос Роланд.

– Все хотят, Роланд, – ответила Пег и пояснила для меня: – Ребята любят спектакли про экзотические страны, Вивви. Потому что в них самые красивые костюмы. В этом году мы ставили пьесы про Индию, китайскую горничную и испанскую танцовщицу. Однажды запустили мюзикл об эскимосской любви, но вышло не очень. Эскимосские наряды никого не украшают, мягко говоря. Сплошной мех, сама понимаешь. Тяжеленные такие. Да и песни не удались. Рифма «снежный – нежный» повторялась столько раз, что под конец у всех уши разболелись.

– Ты мог бы сыграть гавайскую танцовщицу, Роланд, – с улыбкой заметила Глэдис.

– Еще бы! Из меня выйдет отличная гавайская танцовщица! – Роланд игриво покрутил бедрами.

– О да, – согласилась Глэдис. – И ты такой тоненький, того и гляди ветром унесет. Нам нельзя стоять рядом на сцене: по сравнению с тобой я громадная жирная корова.

– Ты и впрямь набрала вес, Глэдис, – вставила Оливия. – Не ешь все подряд, а то на тебе костюм лопнет.

– Между прочим, еда фигуре не помеха! – запротестовала Глэдис и потянулась за добавкой мясного рулета. – Я в журнале прочитала. Толстеют от кофе! Вот его и надо ограничивать.

– Тебе не кофе надо ограничивать, а martini, – ухмыльнулся Роланд. – Пьянеешь с одного бокала.

– Что правда, то правда, – согласилась Глэдис. – Это про меня все знают. Но посмотрим с другой стороны: если бы я не пьянела с одного бокала, в моей жизни было бы куда меньше секса! – Она обратилась к подруге: – Одолжи-ка мне помаду, Селия.

Та молча достала тюбик из кармана шелкового халата и протянула девушке. Глэдис накрасила губы самым сочным оттенком красного, который я только видела в жизни, и крепко расцеловала Роланда в обе щеки, оставив на них четкие отпечатки губ.

– Ну вот, Роланд. Теперь ты самая симпатичная девчонка среди нас.

Роланд и не думал возражать. Он напоминал фарфоровую куколку и даже, кажется, выщипывал брови (что не ускользнуло от моего экспертного взгляда). Меня поразило, что он даже не пытается вести себя по-мужски. Во время разговора он манерно жестикулировал, точно юная дебютантка. И даже не вытер помаду со щек! Он будто сознательно хотел быть похожим на девушку. (Прости мою наивность, Анджела, – в девятнадцать мне еще не доводилось сталкиваться с людьми, предпочитающими однополую любовь. По крайней мере, с мужчинами. Лесбиянок-то я видела сколько угодно. Все-таки год в Вассаре не прошел даром: даже я была не настолько наивной.)

Тут Пег переключилась на меня:

– Итак! Вивиан Луиза Моррис! Чем же ты намерена заняться в Нью-Йорке?

Чем я намерена заняться? Да вот этим самым! Распивать мартини с артистками бурлеска, слушать рассказы о театре и сплетни мальчиков, похожих на девочек! А еще – познакомиться с теми, у кого в жизни много секса!

Но вслух я этого, конечно, не произнесла. Мне удалось успешно вывернуться:

– Для начала я хочу немножко осмотреться. Понять, что к чему.

Теперь все уставились на меня. Ждали продолжения? Но какого?

– Я ведь совсем не ориентируюсь в Нью-Йорке, вот в чем главная беда, – добавила я, чувствуя себя полной идиоткой.

В ответ на мою глупую реплику тетя Пег взяла салфетку и набросала на ней карту Манхэттена. Жаль, что я не догадалась сохранить тот рисунок, Анджела. Ни до, ни после мне не доводилось видеть схемы прелестнее. Тетя изобразила остров в виде кривой морковки с темным прямоугольником посередине, обозначавшим Центральный парк; тонкими волнистыми линиями были отмечены реки Гудзон и Ист-Ривер; значком доллара в самом низу – Уолл-стрит; музыкальной ноткой вверх – Гарлем, а яркая звездочка в самом центре указывала место, где мы сейчас находились: Таймс-сквер. Центр мира!

– Вот, – сказала тетя, – теперь не заблудишься. Малышка, потеряться на Манхэттене невозможно. Просто читай названия улиц. Они пронумерованы по порядку – проще некуда. И помни, что Манхэттен является островом. Люди часто об этом забывают. В какую сторону ни пойдешь, упруешься в берег. Увидишь реку – поворачивай назад и шагай в противоположном направлении. Запросто сориентируешься. Тут и тупица разберется.

– Даже Глэдис разобралась, – поддакнул Роланд.

– Полегче, солнышко, – осадила его Глэдис. – Я родом отсюда.

– Спасибо! – Я сунула салфетку в карман. – А если вам нужна помощь в театре, я буду только рада поучаствовать.

– Ты хочешь помочь? – Кажется, Пег удивилась. Она явно на меня не рассчитывала. Интересно, что родители обо мне наплели? – Что ж, тогда подключайся к Оливии в конторе, если тебе не претит бумажная работа. Счета и всякое такое.

Услыхав это предложение, Оливия побелела, и я, боюсь, тоже. Меньше всего на свете мне хотелось помогать Оливии, да и она не горела желанием брать меня в напарницы.

– Или можешь работать в кассе, – продолжала Пег, – продавать билеты. Петь ты, конечно, не умеешь? Да и с чего бы. В нашей семье певцов отродясь не водилось.

– Я умею шить, – сказала я.

Наверное, я говорила слишком тихо, потому что никто даже не обратил внимания на мои слова.

– Пег, а почему бы не записать Вивиан в школу Кэтрин Гиббс, где учат на машинисток? – предложила Оливия.

Пег, Глэдис и Селия хором застонали.

– Оливия каждую из нас пытается засунуть в школу Кэтрин Гиббс на курсы машинисток, – пояснила Глэдис и поежилась в притворном ужасе, будто учиться печатать не легче, чем махать кайлом в лагере для военнопленных.

– Кэтрин Гиббс заботится о повышении занятости среди женщин, – парировала Оливия. – Девушки достойны востребованной профессии.

– У меня есть профессия, хоть я и не машинистка, – возразила Глэдис. – И я очень востребована! Востребована вами! Вы же сами меня и наняли!

– Артистка бурлеска – не профессия, Глэдис, – ответила Оливия. – Сегодня работа есть, завтра ее нет. Совершенно ненадежное занятие. А вот секретарши везде нужны.

– Я не просто артистка бурлеска, – с оскорбленным видом поправила Глэдис. – Я ведущая солистка кордебалета. Ведущая солистка без работы не останется! И вообще, если у меня кончатся деньги, я просто выйду замуж.

– Не вздумай учиться на машинистку, малышка, – сказала Пег, обращаясь ко мне. – А если и выучишься, никому не признавайся, иначе тебя засадят за пишущую машинку до конца твоих дней. Хуже только профессия стенографистки. Все равно что заживо себя похоронить. Стоит взять в руки блокнот для стенографии, и уже от него не избавишься.

И тут – впервые с тех пор, как мы поднялись наверх, – неземное создание, сидевшее на диване в другом конце гостиной, внезапно заговорило.

– Ты, кажется, сказала, что умеешь шить? – спросила Селия.

Я снова удивилась, насколько низкий у нее голос. Теперь она еще и смотрела прямо на меня, отчего я слегка струхнула. Не хотелось бы, говоря о Селии, злоупотреблять эпитетом «знойная», но ничего не поделаешь: от нее действительно исходил жар, даже когда она не прикладывала специальных усилий. Выдержать ее горячий взгляд оказалось непросто, поэтому я просто кивнула ей, а ответ адресовала в сторону Пег, как более безопасную:

– Да, умею. Меня бабушка Моррис научила.

– И что ты умеешь? – спросила Селия.

– Ну, например, я сама сшила вот это платье.

– Ты сама сшила это платье?! – взвизгнула Глэдис.

Они с Роландом накинулись на меня, как поступали все девчонки, узнав, что мой наряд изготовлен собственноручно. Оба принялись теревить и ощупывать меня со всех сторон, этикие прелестные маленькие обезьянки.

– Неужели правда сама? – повторяла Глэдис.

– Даже кантики? – восторгался Роланд.

Мне хотелось ответить: «Да это ерунда!» – ведь мне удавались и куда более сложные модели, а это простенькое платьице, при всей его прелести, не потребовало особых трудов. Однако я побоялась выглядеть заносчиво, поэтому просто сказала:

– Всю свою одежду я шью сама.

Селия снова заговорила из противоположного угла гостиной:

– А как насчет костюмов для театра?

– Смотря какие костюмы, но, пожалуй, я справлюсь.

Селия встала и произнесла:

– Вот такой сделаешь? – Она сбросила халат, и тот упал на пол, открывая взгляду ее сценический наряд.

(Знаю, фраза «сбросила халат» звучит слишком картинно, но Селия и правда не снимала одежду, как другие смертные женщины, – она сбрасывала ее. Всегда.)

Фигура у нее была потрясающая, а вот костюм не представлял собой ничего особенного: нечто вроде раздельного купальника из блестящей ткани. Такие вещи всегда лучше смотрятся издали, чем вблизи: шортики с высокой талией, расшитые яркими пайетками, и бюстгальтер в стеклярусе и перьях. На Селии костюм выглядел отлично, но на ней и больничная ночнушка

выглядела бы отлично. Если честно, шортики не мешало бы подогнать по фигуре. Да и бретельки лифа были пришиты криво.

– Да, такой сделаю, – кивнула я. – Со стеклярусом придется повозиться, но это всего лишь украшение. А сама модель очень простая. – Тут меня осенило, словно молния озарила ночное небо: – Слушайте, а если у вас есть художница по костюмам, можно мне с ней поработать? Я стала бы ее ассистенткой!

Раздался дружный хохот.

– Художница по костюмам? – воскликнула Глэдис. – По-твоему, у нас здесь «Парамаунт пикчерз»? Думаешь, мы прячем в подвале Эдит Хэд⁵?

– Девушки сами отвечают за свои наряды, – пояснила Пег. – Если в костюмерной ничего не найдется – а у нас там ничего и нет, – приходится справляться собственными силами. Конечно, влетает в копеечку, но так уж заведено. Вот этот костюм, Селия, – он у тебя откуда?

– Купила у одной девчонки. Помнишь Ивлин из «Эль Марокко»? Она вышла замуж, в Техас переехала. Оставила мне целый чемодан костюмов. Вот уж свежо так свежо.

– Еще как свежо, – хмыкнул Роланд. – Свежо, что триппер от нее не подцепила.

– Брось, Роланд, – вмешалась Глэдис. – Ивлин не такая. Тебе просто завидно, что она умудрилась выскочить замуж за ковбоя.

– Если поможешь девочкам с гардеробом, Вивиан, все будут только счастливы, – заверила Пег.

– А сумеешь сделать мне костюм для спектакля про южные моря? – спросила Глэдис. – Как у гавайской танцовщицы?

Еще бы спросила шеф-повара, сумеет ли он сварить кашу.

– Без проблем, – ответила я. – Завтра и сделаю.

– А мне? – подскочил Роланд.

– Бюджета на новые костюмы нет, – предупредила Оливия. – Мы так не договаривались.

– Ах, Оливия, – вздохнула Пег, – из тебя получилась бы отличная жена викария. Не порти деткам веселье.

Я невольно обратила внимание, что с самого начала разговора Селия не сводит с меня глаз. Ее внимание одновременно и пугало, и приводило в трепет.

– А знаешь, Вивиан, – изрекла она, пристально меня изучив, – ты хорошенькая.

Справедливости ради скажу, что обычно мою миловидность замечали раньше. Но разве станешь обвинять в невнимании обладательницу такого лица и такой фигуры, как у Селии?

– Мне даже кажется, мы с тобой похожи, – добавила она и впервые за вечер улыбнулась.

Признаюсь честно, Анджела: ничего подобного.

Селия Рэй была богиней; я – неуклюжим подростком. Хотя, строго говоря, некоторое сходство все-таки имелось: я тоже была высокой брюнеткой со светлой кожей и широко посаженными карими глазами. Мы сошли бы за двоюродных сестер, но уж никак не родных, а тем более не близнецов. Фигуры у нас различались кардинально: у Селии – соблазнительные округлости, у меня – сплошь острые углы. Но ее слова мне польстили. Впрочем, я до сих пор уверена, что Селия Рэй обратила на меня внимание по одной-единственной причине: мы действительно были чуточку похожи, самую малость. Это ее и привлекло. Для столь тщеславной особы, как Селия, я служила лишь отражением в зеркале, пусть даже очень мутном и очень далеко. А Селия не встречала зеркала, которое ей не нравилось бы.

– Надо бы нам с тобой одинаково одеться и пройтись по барам! – заявила она. И снова меня поразил ее голос: низкий, грудной, по-кошачьи бархатистый и с сильным бронкским акцентом. – Уж мы-то найдем приключений на свою голову!

---

⁵ Знаменитая американская художница по костюмам «золотого века» Голливуда; 35 раз номинировалась на премию «Оскар», 8 раз становилась ее лауреатом.

Я даже понятия не имела, как реагировать. Просто сидела и хлопала глазами, как глупая школьница, которой совсем недавно была.

Что до тети Пег – между прочим, моей законной опекуни, – то она, услышав столь несправедный призыв, воскликнула:

– Отличная идея, девочки!

Пег подошла к бару и принялась смешивать очередной мартини, но тут Оливия положила вечеринке конец. Суровая смотрительница театра «Лили» встала, хлопнула в ладоши и объявила:

– Довольно! Пег нужно немедленно в кровать, иначе утром она не поднимется.

– Да чтоб тебя, Оливия! Сейчас ты у меня в глаз схлопочешь! – пригрозила тетя.

– Марш спать, Пег, – повторила неумолимая Оливия и для пущей остротки потянула тетю за кушак. – И немедленно.

Присутствующие потянулись к выходу, наперебой желая друг другу спокойной ночи.

Я вернулась в свою квартиру (подумать только, в свою квартиру!) и продолжила разбирать чемодан. Но никак не могла сосредоточиться. Голова гудела от восторга и волнения.

Пег заглянула ко мне, когда я развешивала платья в гардеробе.

– Как устроилась? – спросила тетя, оглядывая безукоризненную квартиру Билли.

– Мне так здесь нравится! Прекрасное место.

– О да. У Билли губа не дура.

– Пег, можно вопрос?

– Конечно.

– А как насчет пожара?

– Какого пожара, малышка?

– Оливия сказала, что сегодня в театре был пожар. Вот я и хотела узнать, все ли в порядке.

– Ах, ты об этом! Ничего страшного, просто старые декорации вспыхнули на заднем дворе. У меня есть друзья в пожарной части, мы быстро все потушили. Господи, неужели это случилось сегодня? Я уже и думать забыла. – Пег потеряла глаза. – Что ж, малышка, вскоре ты узнаешь, что в театре «Лили» вся жизнь состоит из череды маленьких пожаров. А теперь спать, иначе Оливия сдаст тебя полиции.

И я отправилась спать. То была моя первая ночь в Нью-Йорке и первая (но далеко не последняя) ночь в постели чужого мужчины.

Даже не помню, кто в тот вечер убирал со стола и мыл посуду.

Наверняка Оливия.

Глава четвертая

Всего за две недели со дня переезда в Нью-Йорк моя жизнь перевернулась с ног на голову. Помимо всего прочего, я лишилась девственности. Это ужасно смешная история, Анджела, и вскоре я тебе ее расскажу, если наберешься терпения.

Потому что первым делом я хочу заметить, что театр «Лили» нельзя было сравнить ни с одним из мест, где мне доводилось жить. Здесь царила круговерть роскоши и нищеты, веселья и безумия, и взрослые вели себя как дети. О порядке и режиме, к которым меня настойчиво приучали дома и в школе, тут слухом не слыхивали. В «Лили» никто даже не пытался поддерживать нормальный ритм степенного взрослого существования – никто, кроме, пожалуй, бедняжки Оливии. Нормой считались пьянки и кутежи. Обедали и ужинали когда придется. Спали до полудня. Работа могла начаться в любое время, хотя, в сущности, она и не заканчивалась: каждый день был одновременно выходным и рабочим. Планы менялись в одночасье, гости приходили и уходили, не здороваясь и не прощаясь, а обязанности распределялись совершенно непонятным образом.

Вскоре я, к собственному изумлению, обнаружила, что никто не следит за моими перемещениями и я могу уходить и приходить когда вздумается. Ни перед кем не надо было отчитываться, от меня ничего не ждали. Я вызвалась помочь с костюмами? Прекрасно, но официально меня на работу не нанимали. Комендантского часа в театре не было, по головам нас перед сном не считали. Никакой охраны, никакой строгой мамочки.

Полная свобода.

Разумеется, формально тетя Пег несла за меня ответственность как кровная родственница, которой родители поручили заботу обо мне. Но тетя не слишком лезла в мои дела, и это еще мягко говоря. На самом деле тетя оказалась первым свободомыслящим человеком, которого я встретила в жизни: она считала, что люди должны распоряжаться своей жизнью самостоятельно. До приезда в Нью-Йорк я о таком и помыслить не могла.

В тетином мире царил хаос, но это ничуть не мешало ей работать и жить. Несмотря на полное отсутствие порядка, она умудрялась давать два спектакля в день – дневной (он начинался в пять часов, и ходили на него в основном женщины и дети) и вечерний (начало в восемь, сюжет посмелее и предназначен для публики постарше, главным образом мужского пола). По воскресеньям и средам играли утренники, а в субботу в полдень устраивали бесплатный шоу с фокусами для местных детишек. В остальное время Оливия сдавала зал различным местным кружкам и студиям, но на уроках сухого плавания никто еще не разбогател, поэтому доход с аренды был невелик.

Все наши зрители жили тут же, на близлежащих улицах. В те времена соседи действительно друг друга знали. Вокруг «Лили» обитали в основном ирландцы и итальянцы, католики из Восточной Европы и довольно много евреев. Четырехэтажные многоквартирные дома ломились от свежеспеченных эмигрантов, и под «ломились» я имею в виду, что в одной квартире порой ютились двенадцать человек. Вот почему Пег старалась избегать мудреных слов в постановках: не все наши зрители как следует знали английский. Да и актерам было легче заучивать реплики, ведь наши исполнители в шекспировских театрах не стажировались.

Туристы и критики в «Лили» не заглядывали; не жаловали его и так называемые театралы. У нас был рабочий театр для рабочего люда. Пег не позволяла актерам обманываться и что-то из себя изображать. «Хороший канкан лучше плохого Шекспира», – любила говорить она. В «Лили» и впрямь отсутствовали приметы типичного бродвейского театра: мы не выезжали на гастроли, не закатывали роскошных вечеринок в дни премьер. Не закрывались в августе, как большинство приличных заведений. (Наши зрители не катались на курорты, не катались и мы.) Мы работали даже по понедельникам. «Лили» скорее напоминал конвейер, где

развлечения бесперебойно подавались день за днем круглый год. И пока цены на билеты были сравнимы с ценами ближайших кинотеатров – наряду с торговыми галереями и подпольными карточными притонами, кинотеатры являлись нашими главными конкурентами в борьбе за рабочий доллар, – в зале всегда сидела публика.

Традиционный бурлеск в «Лили» не показывали, но многие из наших танцовщиц когда-то работали в подобных заведениях и не стеснялись продемонстрировать свои умения. Не ставили мы и водевили, потому что к тому моменту жанр почти канул в Лету. Впрочем, наши наспех сработанные музыкальные комедии очень напоминали водевиль. По правде говоря, назвать их пьесами или спектаклями можно было с большой натяжкой. Тут скорее подходит определение «ревю»: коктейль из сюжетов, песен, скетчей и танцевальных номеров, которые служили лишь предлогом для финального воссоединения влюбленных и зажигательного канкана, где танцовщицы показывали стройные ножки. (Наши возможности в любом случае ограничивались скромным набором декораций из трех комплектов. Действие всех шоу разворачивалось или на городском перекрестке девятнадцатого века, или в элегантной великосветской гостиной, или на океанском лайнере.)

Раз в две-три недели Пег меняла репертуар, но по сути спектакли оставались прежними и по-прежнему незапоминающимися. (Как?! Неужели ты никогда не слышала о пьесе «До белого каления» о парочке беспризорников, которые влюбились друг в друга? Ну еще бы! Она шла в «Лили» всего две недели, после чего ее сменило шоу с почти таким же сюжетом – «Успеть на пароход». Действие, понятное дело, происходило на океанском лайнере.)

– Поверь, если бы рецепт поддавался улучшению, я бы его улучшила, – призналась однажды Пег. – Но он и без того работает.

Рецепт состоял в следующем.

Доставить удовольствие публике (или хотя бы ненадолго отвлечь ее от будничных проблем) изложением короткой (ни в коем случае не дольше сорока пяти минут!) истории любви. Взять на главные роли симпатичную парочку актеров, которые умеют танцевать чечетку и петь. Пусть им не дает воссоединиться некий злодей – обычно банкир или гангстер (идея одна, костюмы разные). Злодей скрежещет зубами и строит всяческие козни влюбленным. В какой-то момент на сцене непременно возникает разлучница с огромным бюстом: она строит глазки главному герою, но для него существует лишь одна девушка – его возлюбленная. Далее красавец сердцеед безуспешно попытается отбить героиню у нашего парня. Для комического эффекта необходим пьяный бродяга с нарисованной при помощи жженой пробки щетиной. Нужна как минимум одна мечтательная любовная баллада, где «луна» рифмуется с «пьяна». Заканчивается все, естественно, канканом.

Аплодисменты, занавес, еще раз повторить на вечернем спектакле.

Театральные критики старательно делали вид, что не замечают нашего существования. Пожалуй, так было лучше для всех.

Не думай, что я невысокого мнения о постановках Пег. Я обожала эти шоу. Все на свете отдала бы, лишь бы сидеть на заднем ряду обветшавшего старого театра и смотреть их снова и снова. Ни до, ни после я не видела ничего лучше этих простых и веселых спектаклей. Они делали меня счастливой. Их единственное предназначение заключалось в том, чтобы делать людей счастливыми, и для этого не нужно было вникать в сюжет и даже понимать, что происходит на сцене. В траншеях Первой мировой, ставя веселые пьески с музыкой и танцами для солдат, которые только что потеряли ногу или обожгли глотку ипритом, Пег усвоила важную вещь: иногда людям просто необходимо отвлечься.

Задача театра «Лили» состояла в том, чтобы дать им такую возможность.

Что до актерского состава, во всех наших постановках участвовали восемь танцоров: четверо парней и четыре девушки. Плюс четыре шоу-герлз – гвоздь программы. Ради них к нам

и ходили. Если тебе интересно, в чем разница между обычной танцовщицей и шоу-герл, знай: разница в росте. Рост артистки бурлеска составляет не меньше пяти с половиной футов. Причем без каблучков и головного убора. Кроме того, артистки бурлеска гораздо красивее обычных танцовщиц.

И чтобы еще больше тебя запутать: иногда артистки бурлеска танцуют в кордебалете (как наша ведущая солистка Глэдис), но танцовщицы кордебалета никогда не выступают в бурлеске. Для этого им не хватает роста и красоты, и никакие ухищрения тут не работают. Ни грим, ни подкладки в лифчик никогда не поставят умеренно привлекательную танцовщицу среднего роста на одну ступень с роскошной амазонкой, какой была нью-йоркская шоу-герл середины двадцатого века!

Многие артистки кабаре на дороге к славе прошли через «Лили». Кое-кто начинал у нас, а потом устроился в «Радио-сити» или «Алмазную подкову»⁶. Некоторые даже стали солистками. Но чаще девушки попадали к нам на пути вниз, а не вверх. (Самое героическое и душещипательное зрелище на свете – стареющие звезды «Радио-сити», которые пробуются в кордебалет простецкой пьески «Успеть на пароход».)

Была у нас и небольшая постоянная труппа, развлекавшая скромную публику «Лили» из года в год. Дольше всех в «Лили» работала Глэдис. Она изобрела танец под названием «попотряс», настолько полюбившийся публике, что он стал неотъемлемой частью каждого спектакля. Да и кто устоит, когда целая толпа девушек дефилирует по сцене, потряхивая самыми выдающимися частями тела.

– Попотряс! – кричали зрители, вызывая танцовщиц на бис, и те были рады им угодить. Нам случалось замечать, как соседские детишки исполняют этот танец по пути в школу. Можно сказать, он стал нашим культурным достоянием.

Я бы хотела объяснить тебе, Анджела, каким образом театральной компании Пег удавалось не прогореть, но, по правде говоря, я и сама не знаю. Хотя, возможно, тут придется к месту старый анекдот о том, как сколотить небольшое состояние в шоу-бизнесе: нужно взять большое состояние и истратить половину. У нас не бывало аншлагов, билеты стоили копейки. Более того: некогда роскошное здание театра превратилось в белого слона, крайне дорогого в содержании. Здесь все протекало и разваливалось. Электропроводка была ровесницей самого Эдисона, трубы издавали потусторонние стоны, краска отваливалась кусками, а крыша не текла лишь в погожие солнечные дни. Тетя Пег всаживала деньги в эту древнюю рухлядь с тем же упорством, с каким бессовестный наследник транжирит состояние в опиумных притонах – отчаянно, бессмысленно и безнадежно.

Что до Оливии, в ее обязанности входило пресекать эти бесконечные траты – задача столь же отчаянная, бессмысленная и безнадежная. До сих пор слышу, как она кричит: «Здесь вам не французский отель!» – поймав квартирантов на том, что те почем зря льют горячую воду.

Оливия всегда выглядела усталой, и неудивительно: с 1917 года (именно тогда они с Пег познакомились) она единственная среди театральной братии вела себя как взрослый человек, понимающий, что такое ответственность. Оливия не шутила, сказав, что работает на Пег со времен Моисеевых пеленок. В годы Первой мировой Оливия тоже служила в Красном Кресте, хотя на медсестру училась, естественно, в Британии. Они с Пег повстречались во Франции на поле боя. После войны Оливия решила бросить сестринское дело и последовала за тетей в мир шоу-бизнеса, став ее доверенным и многострадальным секретарем.

---

⁶ «Радио-сити мюзик-холл» – театрально-концертный зал, изначально созданный для варьете The Rockettes в 1932 году; «Алмазная подкова» – ночной клуб на первом этаже отеля «Парамаунт» в Нью-Йорке, работавший с 1938 по 1951 год и прославившийся своим варьете с участием лучших артистов того времени.

В любое время дня и ночи Оливию можно было встретить в коридорах театра: она отдавала распоряжения, напоминала о правилах и отчитывала тех, кто их нарушал. На лице у нее навечно застыла страдальческая настороженность верной пастушьей овчарки, которой поручено навести порядок в стаде непутевых овец. У нее имелись указания на любой случай. В театре не ужинать («не то крыс будет больше, чем зрителей»). На репетициях не мямлить. Гостей на ночь не водить. Деньги за билеты без чека не возвращать. Налоги платить исправно.

Пег уважала правила Оливии, но только в теории – как человек, давно не посещающий церковь, но еще помнящий основные заповеди. Другими словами, уважала, но не выполняла.

Остальные вели себя так же: нарушали запреты сплошь и рядом, хотя иногда притворялись, что соблюдают.

Поэтому Оливия постоянно выматывалась до предела, а мы продолжали вести себя как дети.

Пег с Оливией жили на четвертом этаже театра, в апартаментах с общей гостиной. Там было еще несколько квартир, но к моменту моего приезда они пустовали. Первый владелец здания селил там любовниц, а сейчас, как мне объяснила тетя, квартиры держали для тех, «кто в последнюю минуту останется ночевать, и прочих бродяжек».

А все самое интересное происходило на третьем этаже, где поселилась я. Тут имелся рояль, обычно заставленный полупустыми бокалами для мартини и полными окурков пепельницами. (Бывало, Пег, проходя мимо рояля, собирала недопитые остатки и сливала обратно в бутылку. У нее это называлось «взимать дивиденды».) На третьем этаже ужинали, курили, пили, ссорились, работали и жили. Здесь билось сердце театра «Лили».

А еще тут обитал господин по имени мистер Герберт. Мне его представили как «нашего драматурга». Он писал сценарии для спектаклей, придумывал шутки и гэги. Он же был режиссером-постановщиком. И, как я потом узнала, пресс-агентом театра.

– А чем занимается пресс-агент? – спросила я однажды.

– Хотел бы я знать, – ответил мистер Герберт.

Когда-то мистер Герберт работал адвокатом, но лишился лицензии, а с Пег они дружили с незапамятных времен. Лицензию у него отобрали за растрату денег клиента. Пег не считала его настоящим злоумышленником, потому что в момент совершения преступления мистер Герберт был в запое. «Нельзя винить человека в том, что он натворил под мухой» – такая у тети Пег была философия. (Еще она любила повторять, что у каждого свои недостатки, и всегда давала слабым и оступившимся второй, третий и четвертый шанс.) Бывало, актеров не хватало, и мистер Герберт выходил на сцену в роли пьяного бродяги. В его исполнении роль приобретала такой натуральный драматизм, что у меня сердце разрывалось.

Но мистер Герберт умел и развеселить. Несмотря на мрачный сарказм, его шутки были по-настоящему смешными. Утром, когда я приходила на завтрак, мистер Герберт неизменно сидел за кухонным столом в мешковатых штанах от костюма и нижней сорочке. Он пил кофе без кофеина и ковырял один-единственный несчастный блинчик. Вздыхая и хмурясь над блокнотом, мистер Герберт сочинял шутки и диалоги для очередного спектакля. Каждое утро я радостно приветствовала его и в ответ получала депрессивную реплику, причем всякий раз новую.

– Доброе утро, мистер Герберт! – говорила я.

– Доброе? Это спорно, – отвечал он.

На следующий день:

– Доброе утро, мистер Герберт!

– Сегодня соглашусь, но лишь наполовину.

Или:

– Доброе утро, мистер Герберт!

- Не вижу причин так считать.
- Или:
- Доброе утро, мистер Герберт!
- Только не для меня.
- И мое любимое:
- Доброе утро, мистер Герберт!
- Похоже, теперь ты у нас главная шутница?

Кроме мистера Герберта, на третьем этаже обитал привлекательный чернокожий мужчина по имени Бенджамин Уилсон – наш композитор, поэт-песенник и аккомпаниатор. Бенджамин был молчалив, элегантен и всегда одевался в безупречные костюмы. Обычно он сидел за роялем, наигрывая веселый мотивчик из предстоящей постановки или джаз для собственного удовольствия. Иногда исполнял и церковные гимны, но только если считал, что никто не слышит.

Отец Бенджамина был уважаемым в Гарлеме проповедником, а мать – директрисой школы для девочек на Сто тридцать второй улице. По гарлемским меркам Бенджамин считался особой королевских кровей. Его готовили к карьере священнослужителя, но огни шоу-бизнеса оказались ярче. Родные считали его страшным грешником и видеть не желали. Как я узнала позже, типичная история для многих обитателей «Лили». Под крылышком Пег находили приют многие отщепенцы.

Наряду с танцовщиком Роландом, Бенджамин был слишком талантлив для столь простецкого заведения, как «Лили». Но Пег обеспечивала ему стол и кров и не слишком нагружала обязанностями, так что он не рвался уйти.

Когда я въехала на третий этаж «Лили», там жила еще одна особа, рассказ о которой я приберегла напоследок, поскольку для меня она важнее всех остальных.

Эта особа – Селия, артистка бурлеска, моя богиня.

Оливия упомянула, что Селия живет в театре временно, пока не найдет другую квартиру. Новое пристанище понадобилось Селии по той причине, что недавно ее выселили из «Репетиционного клуба» – недорогого и уважаемого отеля для дам на Пятьдесят третьей улице в Вест-Сайде, где в свое время жили многие бродвейские танцовщицы и актрисы. Селию выгнали, застав в номере с мужчиной. И Пег предложила ей перекантоваться в «Лили».

Я подозревала, что Оливия предложение не одобрила. Впрочем, еще раз повторюсь, Оливия не одобряла любую благотворительность Пег. К тому же жилье едва ли напоминало царские хоромы. Крошечная клетушка в конце коридора была гораздо скромнее роскошных апартаментов дяди, куда его нога в жизни не ступала. Помещение скорее напоминало чулан для швабр, и места там хватало только для узкой койки и кусочка пола, куда Селия сбрасывала одежду. В комнате было окошко, но оно вело в душный зловонный переулок. Ковер отсутствовал, раковина тоже, зеркало и подавно – никаких тебе гардеробных и роскошной королевской кровати, как у меня.

Возможно, именно поэтому уже во вторую мою ночь в «Лили» Селия переселилась ко мне. Причем не спросив ни у кого разрешения. Мы даже не обсуждали этот вопрос: все произошло само собой и в самый неожиданный момент. На второй день моего пребывания в Нью-Йорке, в один из темных часов между полуночью и рассветом Селия ввалилась ко мне в спальню, разбудила меня осязательным тычком кулака в плечо и заплетающимся языком пробормотала одно слово:

- Двигайся.

И я подвинулась. Я откатилась на самый край кровати, а Селия повалилась на мой матрас, отобрала мою подушку, натянула мою простыню на свое прекрасное тело и через секунду вырубилась.

Все это меня страшно взволновало.

Взволновало настолько, что я не смогла уснуть. Мало того, я не осмеливалась шевельнуться. Во-первых, я осталась без подушки, к тому же Селия прижала меня к стене, попробуй тут расслабься. Во-вторых, у меня возникла проблема посерьезнее: как вообще полагается себя вести, когда в спальню врывается пьяная артистка бурлеска и при полном параде плюхается к тебе в кровать? Абсолютно непонятно. Поэтому я продолжала лежать молча и не двигаясь, слушала ее шумное дыхание, вдыхала шлейф сигаретного дыма и духов, которым пропитались ее волосы, и гадала, как преодолеть неминуемую неловкость поутру.

Селия проснулась часов в семь, когда в спальню проникли безжалостные солнечные лучи, игнорировать которые было невозможно. Она лениво зевнула, потянулась и заняла еще больше места на кровати. Она была при боевом макияже и в открытом вечернем платье, в котором щеголяла вчера. Выглядела она потрясающе: точно ангел, провалившийся вниз на землю сквозь дыру в полу небесного ночного клуба.

– Привет, Вивви, – сказала она, моргая на ярком солнце. – Спасибо, что пустила к себе в кровать. У меня в комнате койка хуже тюремной. Уже сил никаких нет.

Я удивилась, что Селия вообще запомнила мое имя, а уж ласковое уменьшительное «Вивви» и вовсе привело меня в восторг.

– Ничего, – ответила я, – можешь спать здесь, когда хочешь.

– Правда? – обрадовалась она. – Круто. Сегодня же перетащу вещи.

Ох ты ж. Значит, теперь у меня есть соседка. Впрочем, я не возражала. Даже сочла за честь, что Селия выбрала меня.

Мне хотелось максимально растянуть этот диковинный и странный момент, поэтому я осмелилась продолжить беседу:

– А куда ты вчера ходила?

Селия, кажется, удивилась, что я интересуюсь ее делами.

– В «Эль Марокко», – ответила она. – Видела Джона Рокфеллера.

– Неужели самого Рокфеллера?

– Он душка. Хотел потанцевать со мной, но я была с компанией.

– С какой?

– Да так, ничего особенного. Просто парочка мальчиков, которые вряд ли пригласят меня домой познакомиться со своей мамочкой.

– И что за мальчики?

Селия откинулась на подушку, закурила и стала рассказывать о вчерашнем вечере. Она отправилась по клубам с еврейскими ребятами, которые строили из себя гангстеров, но потом появились настоящие еврейские гангстеры, и притворщикам пришлось срочно сваливать. В итоге Селия осталась с одним парнем, тот отвез ее в Бруклин, а потом оплатил ей лимузин до дома. Я слушала ее с раскрытым ртом. Мы провалялись в кровати еще час, и моя новая подруга своим незабываемым голосом с хрипотцой описывала мне подробности обычного вечера из жизни Селии Рэй, танцовщицы бурлеска.

Я ловила каждое ее слово.

На следующий же день вещи Селии перекочевали в мою квартиру. Все столики, комоды и тумбочки теперь были заставлены ее тубиками с театральным гримом и баночками с кольд-кремом. На элегантном дядином письменном столе поселились флаконы духов от Элизабет Арден и компактная пудра от Элены Рубинштейн. Я находила в раковине длинные волосы. На полу раскинулась сеть из спутанных бюстгальтеров, чулок в сетку, подвязок и поясов. (Ты даже

представить себе не можешь, сколько у Селии Рэй было белья! Ее чулки и бюстгалтеры как будто размножались сами собой.) Старые пропотевшие подмышечные прокладки прятались у меня под кроватью, как маленькие белые мыши. Под ноги то и дело попадались щипчики, впиваясь в стопу.

Ее бесцеремонность не знала границ. Селия вытирала помаду моими полотенцами, без спроса одалживала мои свитера. Наволочки вскоре почернели от потеков ее туши, а простыни стали оранжевыми от густого тонального крема. Пепел Селия стряхивала в любую емкость, оказавшуюся поблизости, – однажды даже в ванну, когда я ее принимала.

Как ни странно, меня это не корбило. Напротив, мне не хотелось, чтобы она уходила. Будь у меня в Вассаре такая потрясающая соседка, глядишь, я и колледж окончила бы. Селия Рэй казалась мне совершенством. В моих глазах она служила самым воплощением Нью-Йорка: роскошная, утонченная и загадочная. Я готова была терпеть любой беспорядок и пренебрежение, лишь бы она оставалась рядом.

Так или иначе совместное проживание устраивало нас обеих: я получала доступ к ней, она – к моей раковине.

Я не спрашивала разрешения у тети Пег и даже не рассказала ей, что Селия переехала в апартаменты дяди Билли и, похоже, намерена осесть в «Лили» навсегда. Теперь я понимаю, что поступила очень бестактно, ведь самые элементарные правила вежливости требовали прояснить вопрос с хозяйкой дома. Но в тот момент я слишком увлеклась собственными переживаниями, чтобы думать о вежливости, – как и Селия. Так что мы и дальше вели себя как заблагорассудится.

Мало того, меня даже не беспокоила грязь, которую Селия разводила в нашей квартире, ведь я знала, что тетина горничная Бернадетт все почистит. Бернадетт, скромная трудолюбивая пчелка, приходила в «Лили» шесть дней в неделю и убирала за всеми. Мыла кухню и туалеты, натирала воском паркет, готовила ужины (иногда мы их съедали, иногда нет, а иногда к трапезе являлся десяток незапланированных гостей). Та же Бернадетт заказывала продукты с доставкой из бакалейной лавки, чуть ли не каждый день вызывала водопроводчика и, похоже, делала еще десять тысяч дел, за которые ей даже «спасибо» не говорили. Теперь ей приходилось еще и убирать за нами с Селией, что вряд ли назовешь справедливым.

Однажды я услышала, как Оливия сказала кому-то из гостей: «Разумеется, Бернадетт – ирландка. Но она не из буйных ирландцев⁷, так что пусть остается».

В те времена, Анджела, о политкорректности и не слыхивали.

К сожалению, больше про Бернадетт я ничего не помню.

А все потому, что в юности совершенно не обращала внимания на слуг. Они были для меня привычной частью обстановки, я их почти не замечала. Сидела и ждала, когда меня обслужат. Но почему? Откуда столько глупого высокомерия?

Оттуда, Анджела, что я была богатой.

Я еще об этом не упоминала на страницах своего письма, так что сейчас самое время признаться: я была очень богата, Анджела. Богата и избалована. Да, я выросла во времена Великой депрессии, но нашу семью кризис не затронул – по крайней мере, ощутимо. До биржевого краха мы держали трех горничных, двух поваров, няню, садовника и шофера на полный день. После обвала биржи остались две горничные, один повар и шофер на полставки. Сама понимаешь, в очереди за хлебом по карточкам мы не стояли.

А поскольку в элитной школе-интернате все девочки были мне под стать, я на полном серьезе считала, что у каждой семьи в гостиной стоит дорогой радиоприемник «Зенит»; у каждой девочки есть пони; все мужчины – республиканцы, а женщины делятся на две категории:

---

⁷ Именно ирландские иммигранты с середины XIX века образовывали самые отчаянные бандитские группировки.

те, что идут в Вассар, и те, что идут в Смит. (Мама окончила Вассар. Тетя Пег училась в Смите – правда, всего год, пока не бросила и не пошла в Красный Крест. Я не знала, в чем разница между этими двумя колледжами, но, судя по маминым репликам, она была существенной.)

И я всерьез считала, что прислуга есть в любой семье. Всю мою сознательную жизнь обо мне заботилась какая-нибудь Бернадетт. Я оставляла грязную посуду на столе, а кто-то ее убирал. Мою кровать каждый день аккуратно застилали. Сухие чистые полотенца появлялись вместо мокрых как по волшебству. Туфли, кое-как брошенные у входа, выстраивались в линию, стоило только отвернуться. За всем этим скрывались невидимые силы природы – неизменные, как гравитация, и такие же скучные, – наводившие порядок вокруг и следившие, чтобы у меня никогда не кончались чистые трусы.

Теперь тебя вряд ли удивит, что с момента своего переезда в «Лили» я и пальцем не пошевелила, чтобы помочь по дому. Я даже ни разу не убирала в квартире, куда меня поселила великодушная Пег. Мне просто не приходило в голову, что надо поучаствовать в уборке. И я ни на секунду не задумалась о том, что нельзя по собственной прихоти держать артистку бурлеска в качестве домашней зверушки.

Сама удивляюсь, как меня не придушили.

Ты наверняка встречала моих ровесников, чье детство и юность пришлись на годы Великой депрессии и чьи семьи, в отличие от моей, познали настоящую нужду. Твой отец – один из них. Но поскольку все вокруг в то время жили бедно, эти дети не видели в своих лишениях ничего необычного; более того, они не воспринимали их как лишения.

Дети, выросшие в те годы, часто говорят: «Мы даже не догадывались, что мы бедняки!»

Так вот, Анджела, у меня все было наоборот: я даже не догадывалась, что богата.

Глава пятая

За неделю у нас с Селией сложилось некое подобие совместного распорядка. Каждый вечер после спектакля она надевала вечернее платье (которое в других кругах сочли бы нижним бельем) и отправлялась в ночь греховодничать и развлекаться. Тем временем я ужинала с Пег, слушала радио, шила, ходила в кино или ложилась спать пораньше, но в глубине души мечтала о более интересных занятиях.

В предутренний час меня будил толчок в плечо и знакомая команда «двигайся». Я двигалась, Селия плюхалась на кровать и занимала все свободное место, отбирая у меня подушку и одеяло. Иногда она сразу проваливалась в сон, иногда начинала спяну болтать и отключалась на полуслове. Бывало, я просыпалась и обнаруживала, что она держит меня за руку.

По утрам мы вставать не торопились. Селия выкладывала мне все подробности о мужчинах, с которыми встречалась накануне. Они возили ее в Гарлем на танцы. Приглашали на полужночные сеансы в кино. Без очереди проводили в «Парамаунт» на выступление Джина Круппы⁸. Знакомили с Морисом Шевалье⁹. Угощали лобстером «Термидор» и запеченной «Аляской»¹⁰. (Ради лобстера «Термидор» и запеченной «Аляски» Селия согласилась бы – и соглашалась – на что угодно.) О своих кавалерах она говорила так, будто те ничего для нее не значили, – потому что они на самом деле ничего для нее не значили. Стоило им оплатить счет, как их имена мгновенно улетучивались у нее из памяти. Она пользовалась мужчинами, как пользовалась моими лосьонами и чулками – бесцеремонно и легко.

«Бери, пока дают» – таков был ее девиз.

Что до ее биографии, вскоре я узнала следующее.

Селия родилась в Бронксе, и на самом деле ее звали Мария Тереза Беневенти. Как можно догадаться по имени и фамилии, она была итальянкой. То есть наполовину итальянкой, по отцу. От него она унаследовала блестящие черные волосы и выразительные темные глаза. Светлая кожа и высокий рост достались ей от матери-польки.

В средней школе Селия отучилась всего год: в четырнадцать ей пришлось бросить учебу после скандальной интрижки с другом отца. («Интрижка», вероятно, не самое подходящее слово для описания сексуальных отношений между сорокалетним мужчиной и четырнадцатилетней девочкой, но Селию оно устраивало.) «Интрижка» привела к изгнанию Селии из дома и ее беременности. Возлюбленный поступил по-джентльменски и оплатил ей аборт, после чего не пожелал иметь с ней ничего общего и вернулся к жене и детям. Мария Тереза Беневенти осталась одна-одинешенька и стала пробиваться самостоятельно.

Сначала она устроилась на фабрику-пекарню, владелец которой дал ей работу в обмен на регулярную «полировку сучка» – мне первый раз встретилось такое выражение, и Селия услужливо объяснила, что речь о мастурбации. (И с тех пор, Анджела, стоит мне услышать про «век невинности», у меня перед глазами встает эта картина: Мария Тереза Беневенти, четырнадцати лет, только что после аборта, без крыши над головой, ублажает владельца фабрики, чтобы не лишиться работы и крова. Вот уж точно «старое доброе времечко».)

Вскоре Мария Тереза выяснила, что платные партнерши в дансинге зарабатывают куда больше, чем пекари на конвейере у извращенца. Она сменила имя на Селию Рэй, сняла квартиру с парой других девочек и начала карьеру, которая заключалась в том, чтобы демонстрировать себя миру во имя личного продвижения.

---

⁸ Джин Круппа (1909–1973) – американский барабанщик-виртуоз, звезда свинга.

⁹ Морис Шевалье (1888–1972) – французский шансонье и актер, с 1930-х годов начал сниматься в Голливуде.

¹⁰ Лобстер «Термидор» – изысканное блюдо из лобстера в сливочно-горчичном соусе; запеченная «Аляска» – десерт из мороженого на бисквите под шапочкой из меренги, запеченной в духовке.

Сначала она работала «партнершей напрокат» в заведении «Медовый месяц» на Седьмой авеню. За полсотни долларов в неделю (плюс чаевые) она позволяла мужчинам лапать ее, потеть и рыдать от одиночества у нее плече. В шестнадцать лет попробовала поучаствовать в конкурсе «Мисс Нью-Йорк», но ее обошла девушка, игравшая в купальнике на вибрафоне. Еще Селия подвизалась фотомodelью и рекламировала всякую всячину от собачьего корма до противогрибковых кремов. Работала натурщицей, за почасовую оплату сдавая свое обнаженное тело художественным школам и отдельным живописцам. Ей не исполнилось еще и восемнадцати, когда она выскочила замуж за саксофониста, с которым познакомилась в «Русской чайной», где недолго работала гардеробщицей. Но браки с саксофонистами – плохая затея, и супружество Селии не стало исключением: в мгновение ока пара распалась.

Вскоре после развода Селия с подругой отправились в Калифорнию, планируя стать кинозвездами. Селия ходила на пробы, но роль со словами ей так и не досталась. («Однажды я изображала труп в криминальном кино, отвалили двадцать пять долларов за день», – с гордостью сообщила она, упомянув название фильма, о котором я никогда не слышала.) Спустя пару лет Селия сообразила, что в Лос-Анджелесе «на каждом перекрестке торчит по четыре девки с фигурами получше моей и без бронкского акцента». Она уехала домой.

По возвращении из Голливуда Селия устроилась артисткой бурлеска в клуб «Аист». Там познакомилась с Глэдис, нашей ведущей солисткой, и та позвала ее в «Лили». К 1940-му, когда я прибыла в Нью-Йорк, Селия работала на тетю Пег уже почти два года – самый продолжительный период стабильности в ее жизни. Театр «Лили» не блистал шиком, с «Аистом» и близко не сравнишь, но Селию все устраивало. Работа непыльная, платят регулярно, владелица женщина, то есть на службе не придется уворачиваться от «похотливого босса с загребущими руками и пальцами-сосисками». К тому же после десяти часов вечера Селия освобождалась. То есть, отплав смену на подмостках «Лили», она могла до утра преспокойно плясать в ночных клубах – причем частенько ходила в «Аист», но теперь уже в качестве посетительницы.

Одного не понимаю: как столь колоссальный опыт мог достаться девушке, которой, по ее словам, было всего девятнадцать.

К моему изумлению и удовольствию, мы с Селией подружились.

Разумеется, в известной мере Селия ценила меня в качестве девочки на побегушках. Даже тогда, будучи совсем неопытной и юной, я понимала, что она считает меня своей прислугой, но меня это не смущало. (Если ты хоть что-нибудь знаешь о девичьей дружбе, но наверняка в курсе, что одна из двух всегда играет роль девочки на побегушках.) Да, Селия требовала преданного исполнения определенных обязанностей – помассировать ей уставшие ноги, расчесать волосы. Или восклицала: «Ах, Вивви, у меня опять кончились сигареты!», прекрасно зная, что я тут же побегу покупать ей новую пачку. («Какая же ты лапочка, Вивви», – мурлыкала она, засовывая сигареты в карман и даже не думая вернуть мне деньги.)

А еще она грешила тщеславием, причем в таких масштабах, что на ее фоне моя склонность к самолюбованию выглядела детским лепетом. Клянусь, ни до, ни после я не встречала человека, который столько времени проводил перед зеркалом. Селия могла бесконечно любоваться своим отражением, буквально околдованная собственной красотой. Знаю, выглядит так, будто я сгущаю краски, но нет. Клянусь, однажды Селия два часа кряду смотрелась в зеркало, рассуждая, как лучше втирать крем для шеи – снизу вверх или сверху вниз, – чтобы избежать двойного подбородка.

Но присутствовало в ней и наивное, полудетское обаяние. Особенно по утрам. Она просыпалась в моей постели, измученная, с похмелья, – сущий ребенок, которому хочется подольше поваляться и поболтать. Она делилась со мной своими мечтами – грандиозными и смутными. Ее амбиции, не подкрепленные даже мало-мальски конкретным планом, неизменно поражали меня. Селия сразу перескакивала к самым вершинам, где ее ждали богатство и слава,

не трудясь хотя бы пунктиром обозначить дорогу к ним, – очевидно, она считала, что при такой внешности мир рано или поздно падет к ее ногам.

Спорный план – хотя, если честно, у меня и такого не было.

Я была счастлива.

Наверное, можно сказать, что я заняла должность художницы по костюмам в театре «Лили» – но лишь потому, что я сама считала себя таковой, да и других претендентов не наблюдалось.

Говоря по правде, фронт работ открывался обширнейший. Артисткам и танцорам постоянно требовались новые костюмы, а гардеробная театра «Лили» (жуткий сырой шкаф с пауками, набитый тряпьем еще более древним и дряхлым, чем само здание) служила слабым подспорьем. И поскольку девчонки вечно сидели на мели, мне пришлось импровизировать. Я научилась отовариваться дешевыми тканями на оптовом складе или – совсем дешевыми – на Орчард-стрит. Что еще ценнее, я наострилась ловить отрезки в комиссионках на Девятой авеню и шила костюмы из лоскутов. У меня обнаружился редкий талант превращать любую поеденную молью старую тряпку в роскошный наряд.

Больше всего мне нравился «Комиссионный рай Луцкого» на углу Девятой авеню и Сорок третьей улицы. Польские евреи Луцкие несколько лет работали во Франции на кружевной мануфактуре, после чего эмигрировали в Америку. По прибытии в Нью-Йорк семейство обосновалось в Нижнем Ист-Сайде, где торговало старьем с тележки. Но потом Луцкие перебрались в Адскую кухню¹¹ и завели прибыльный бизнес по продаже старых театральных костюмов и вечерних туалетов. Теперь семья владела целым трехэтажным домом в центре Манхэттена, полным несметных сокровищ. Здесь торговали не только подержанными костюмами из оперных театров и мюзик-холлов, но и старыми свадебными платьями, а изредка попадались великолепные наряды от-кутю с распродаж имущества богачей из Верхнего Ист-Сайда.

Меня тянуло туда как магнитом.

Однажды в «Комиссионном раю Луцкого» я купила для Селии эдвардианское платье невероятного фиалкового цвета – точь-в-точь лепестки живых цветов. Фасон был страшнее некуда, и поначалу Селия скривилась, но стоило мне укоротить рукава, приспустить декольте и сделать глубокий V-образный вырез сзади, перехватив талию широким черным атласным поясом, как древняя рухлядь превратилась в вечернее платье, в котором моя подруга выглядела любовницей миллионера. Все дамочки ахали от зависти, когда Селия появлялась на пороге в этом платье – всего за два доллара!

Едва остальные танцовщицы увидели, какой шедевр я сотворила для Селии, им тоже захотелось эксклюзивных нарядов. Как и в школе, я обрела популярность благодаря «Зингеру-201», служившему мне верой и правдой. Девчонки из «Лили» принялись таскать мне кипы вещей для починки – платья без молний, молнии без платьев, – умоляя «как-нибудь их переделать». Помню, Глэдис объявила:

– Мне нужно полностью сменить гардероб, Вивви! Надоело ходить, как старая бабка!

Быть может, тебе покажется, что в этой истории мне выпала роль бедной Золушки, которая неустанно ткет и прядет, пока более красивые сестры развлекаются на балах. Но пойми, я была страшно благодарна уже за то, что меня приняли в театральный круг. Я получала от нашего общения гораздо больше, чем девочки из «Лили». Их сплетни стали моими университетами – единственным курсом обучения, о котором я мечтала. А поскольку мои швейные таланты не простаивали ни минуты, вся активность в театре постепенно сконцентрировалась вокруг всемогущего «Зингера». Вскоре моя обитель стала главным местом сбора труппы – по

---

¹¹ Район Манхэттена, с середины XIX века славившийся высоким уровнем преступности и воспетый в фильме Мартина Скорсезе «Банды Нью-Йорка».

меньшей мере, женской ее части. (Немаловажную роль сыграли симпатичный интерьер квартиры – уж точно уютнее затхлой гримерки в подвале – и ее близость к кухне.)

И вот однажды – с моего приезда в Нью-Йорк прошло меньше двух недель – мы с несколькими танцовщицами сидели у меня в гостиной. Девушки курили и смотрели, как я строчу на машинке. Я шила простую накидку для артистки по имени Дженни – прелестной хохотушки из Бруклина, всеобщей любимицы с очаровательной щелочкой между передними зубами. Вечером Дженни собиралась на свидание и пожаловалась, что ей нечего надеть на случай похолодания. Я пообещала сшить ей красивую накидку, чем и занималась. Плевое дело для меня, но оно обеспечивало расположение Дженни на веки вечные.

Именно тогда девушки узнали, что я еще девственница.

Тайна всплыла во время болтовни о сексе – а девушки всегда говорили только о нем, если не считать обсуждений нарядов и денег, а также споров о том, где поесть, как стать кинозвездой, как выйти замуж за кинозвезду и стоит ли удалять зубы мудрости (девчонки уверяли, что именно таким способом Марлен Дитрих добилась выразительной линии скулы).

Глэдис и Селия сидели рядом на куче грязного белья, и Глэдис поинтересовалась, есть ли у меня парень. Точнее, спросила:

– А ты с кем-нибудь встречаешься?

Стоит отметить, что это был первый вопрос по существу, который мне задали в театре насчет моей жизни. (Я восторгалась девушками, но интерес не всегда бывает взаимным.) Увы, никаких интересных подробностей у меня не нашлось.

– Нет, у меня никого нет, – ответила я.

Глэдис забеспокоилась.

– Но ты же хорошенькая, – сказала она. – Дома-то у тебя наверняка был ухажер. Парни небось проходу не давали!

Я объяснила, что всю жизнь торчала в школе для девочек, где не так уж много шансов познакомиться с мальчиками.

– Но ты же занималась этим, да? – Дженни не стала ходить вокруг да около. – Хоть разочек дошла до самого конца?

– Никогда, – призналась я.

– У тебя ни разу не было секса? – Глэдис таращилась на меня, не веря своим ушам. – Даже случайно?

– Даже случайно, – подтвердила я, гадая про себя, каким это образом можно заняться сексом случайно.

(Не волнуйся, Анджела, теперь я в курсе. Случайный секс – дело привычки, стоит только попробовать. Впоследствии у меня было огромное количество случайных связей, уж поверь, но в тот момент я еще не умела мыслить настолько широко.)

– Ты что, истинная христианка? – уточнила Дженни, видимо не находя другого разумного объяснения для сохранения девственности в девятнадцать. – Бережешь себя?

– Да нет же! Ничего я не берегу. Просто не было возможности.

Вот теперь девчонки, кажется, встревожились не на шутку. И все смотрели на меня так, будто я только что призналась в неумении самостоятельно перейти улицу.

– Но шашни ты наверняка водила, – полуутвердительно произнесла Селия.

– Ты ведь обжималась с парнями, да? – спросила Дженни. – Конечно, обжималась!

– Совсем чуть-чуть, – сказала я.

Ответ честный: мне нечем было похвастаться по части сексуального опыта. В школе Эммы Уиллард устраивали танцы и привозили к нам мальчиков из интерната Хотчкисса – расчет был такой, что когда-нибудь мы выйдем за них замуж. Во время танца я разрешила одному из них пощупать мою грудь. (Правда, только когда моему партнеру удалось ее найти, что потребовало от него немалых усилий.) Пожалуй, «разрешила» – это слишком громко ска-

зано. Если точнее, он с места в карьер начал тискать мне грудь, а я его не остановила. Во-первых, не хотелось показаться невежливой. Во-вторых, у меня возникли любопытные ощущения. Я даже была не прочь продолжить, но танцы кончились, и мальчиков из Хотчкисса загнали в автобус, прервав наши эксперименты на самом интересном месте.

А в одну из моих ночных велосипедных вылазок из Вассара в бар Покипси меня поцеловал мужчина. Мы обсуждали джаз (точнее, он говорил о джазе, а я слушала, как он говорит о джазе, потому что именно так и беседуют с мужчинами о джазе), и вдруг – бац! Он прижал меня к стенке и ткнулся пенисом мне в бедра, а потом принялся меня целовать, пока я не задрожала от желания. Но когда он сунул мне руку между ног, я струсила и вырвалась из его объятий. По пути в общежитие я крутила педали в страхе и смятении, раздираемая противоречивыми чувствами, одновременно и страшась, и надеясь, что мужчина последует за мной.

Я и хотела большего, и не хотела.

Старая песня, знакомая любой девушке.

Какими еще сексуальными достижениями я могла похвалиться? С Бетти, лучшей подругой детства, мы неуклюже практиковались друг на друге в так называемых «романтических поцелуях». Впрочем, мы также практиковались в «материнстве», напихав подушек под блузку, чтобы изобразить беременность, и с точки зрения биологии последний эксперимент был настолько же далек от жизни, как и первый.

Однажды меня осматривал гинеколог моей мамы, когда она забеспокоилось, что в четырнадцать лет у меня еще не начались месячные. Он ощупал мне вагину – мама стояла рядом, – а потом велел есть побольше печенки. Думаю, ни один из участников не счел бы тот визит эротическим опытом.

В промежутке между десятью и восемнадцатью годами я раз сто влюблялась в приятелей своего брата Уолтера. Когда у тебя красивый и популярный брат, вокруг него все время крутятся такие же красивые и популярные друзья. Но они обращали внимание только на Уолтера – своего предводителя, капитана каждой команды, всеобщего любимца. Их ни капли не интересовало его окружение, включая меня.

Не то чтобы я совсем ничего не соображала в сексе. Иногда я ласкала себя, испытывая одновременно возбуждение и стыд, но я понимала, что секс – это совсем другое. (Скажем прямо: мои попытки мастурбации напоминали обучение плаванию на суше.) Технически я знала, как осуществляется половой акт: студентки Вассара посещали обязательный семинар «Гигиена», где нас умудрились научить всему, ни разу не назвав вещи своими именами. (Нам показывали схему яичников и яичек в разрезе и строго предупреждали, что спринцевание лизолом не относится к современным и безопасным методам контрацепции, – картинка настолько прочно засела в голове, что и по сей день не дает мне покоя.)

– И когда же ты собираешься с этим покончить? – Дженни прервала мои воспоминания. – Часики-то тикают, и моложе ты не становишься!

– Самое ужасное, – заметила Глэдис, – если ты встретишь парня, который тебе действительно понравится, а потом придется его огоршить, что ты еще девственница.

– Ага, большинству парней это даром не нужно, – поддакнула Селия.

– Точно, кому охота брать на себя ответственность, – кивнула Глэдис. – И нельзя же в самый первый раз ложиться с парнем, который тебе нравится.

– Вот именно: вдруг ничего не получится? – добавила Дженни.

– Что может не получиться? – удивилась я.

– Всё! – воскликнула Глэдис. – Ты же ни сном ни духом в таких делах и будешь выглядеть полной дурой! А если станет больно – неужели ты хочешь разреваться в объятиях человека, который тебе нравится?

Надо сказать, всю жизнь мне внушали совершенно противоположные взгляды. Моим школьным подругам, как и мне, четко давали понять, что мужчины предпочитают девствен-

ниц. Нас учили беречь цветок невинности для юноши, который нам не просто понравится, а которого мы полюбим всей душой. В идеале – к нему следовало неуклонно стремиться – за всю жизнь девушка вступает в половые отношения всего с одним человеком: собственным мужем, с которым познакомилась на танцах в школе Эммы Уиллард.

Оказывается, меня обманывали! У Глэдис, Дженни и Селии подход был совсем другой, а уж им-то можно доверять. Они знают, о чем толкуют. Меня вдруг страшно обеспокоил собственный возраст. Господи, мне ведь уже девятнадцать, куда дальше тянуть-то? Я в Нью-Йорке целых две недели и до сих пор не попрощалась с девственностью! Чего я тяну?

– А это сложно? – спросила я. – В смысле в первый раз?

– Боже мой, Вивви, да не тупи ты, – засмеялась Глэдис. – Проще пареной репы. Строго говоря, от тебя вообще ничего не требуется. Все сделает мужчина. Но тебе пора действовать.

– Да уж, давно пора, – решительно отрезала Дженни. А вот Селия смотрела на меня с явным беспокойством.

– Может, ты хочешь остаться девственницей, Вивви? – спросила она, пригвоздив меня к месту взглядом своих невыносимо прекрасных глаз.

С тем же успехом она могла спросить: «Ты хочешь остаться глупым ребенком, вызывающим жалость у зрелых и опытных женщин?» – но меня тронула ее забота. Я видела, что она пытается убедить меня принять решение самостоятельно, невзирая на давление.

Но на самом деле я резко расхотела оставаться девственницей. И не собиралась медлить ни дня.

– Нет, – сказала я, – я готова действовать.

– Мы с радостью поможем, милая, – обрадовалась Дженни.

– У тебя сейчас месячные? – тут же спросила Глэдис.

– Нет, – ответила я.

– Тогда нет смысла ждать. Кто из наших знакомых... – Глэдис погрузилась в раздумья.

– Только чтобы непременно милый, – подсказала ей Дженни. – Деликатный.

– Настоящий джентльмен, – кивнула Глэдис.

– Не какой-нибудь там тупица, – добавила Дженни.

– И чтобы принял меры предосторожности. – Снова Глэдис.

– И чтобы обращался с ней нежно. – Дженни.

И тут Селия сказала:

– Я знаю, кто нам нужен.

Так у них возник план.

Доктор Гарольд Келлогг жил в прелестном таунхаусе близ Грамерси-парка. Его жена отсутствовала, потому что была суббота, а каждую субботу миссис Келлогг садилась на поезд и отправлялась в Дэнбери навестить мать, которая жила за городом. Поэтому мою дефлорацию назначили на совершенно не романтичный час: десять утра в субботу.

Доктор Келлогг и его супруга считались почтенными членами общества. В таких кругах вращались и мои родители. Отчасти именно поэтому Селия решила, что доктор мне подойдет, – мы с ним принадлежали к одному социальному классу. Двое сыновей Келлоггов учились на медиков в Колумбийском университете. Сам доктор состоял в клубе «Метрополитен». В свободное время он наблюдал за птицами, собирал марки и занимался сексом с артистками бурлеска.

Само собой, свои связи доктор не афишировал. Человек с такой репутацией не мог появиться в городе с молодой женщиной, телосложением напоминающей резную фигуру на носу корабля, – это неизбежно привлекло бы внимание. Поэтому артистки приходили к доктору домой – причем обычно субботним утром, когда его жена была в отъезде. Он впускал их через черный ход, угощал шампанским и развлекал в комнате для гостей. Потом давал им

денег за потраченное время и приложенные усилия, после чего отправлял восвояси через тот же черный ход. К полудню веселье заканчивалось, потому что во второй половине дня доктор принимал пациентов.

Все девушки в «Лили» знали Келлогга. Они наведывались к нему по очереди в зависимости от того, кто поутру в субботу меньше страдал от похмелья и больше нуждался в карманных деньгах.

Узнав о финансовом аспекте соглашения, я в ужасе переспросила:

– То есть доктор Келлогг платит вам за секс?

Глэдис недоверчиво уставилась на меня:

– А ты что думала, Виввиан? Что это мы ему платим?

Так вот, Анджела: я в курсе, что существует особый термин для женщин, оказывающих джентльменам сексуальные услуги в обмен на деньги. Вообще-то, даже не один, а много всяких терминов. Но девушки, с которыми я общалась в Нью-Йорке в 1940-м, не принимали на свой счет ни один из этих терминов, хотя постоянно брали у джентльменов деньги в обмен на сексуальные услуги: они никакие не проститутки, нет; они артистки бурлеска. Это звание они носили с гордостью, поскольку добились его упорным трудом, и соглашались только на такое определение. Но реальность была такова: артистки бурлеска не слишком много зарабатывали, а всем нужно как-то вертеться (хорошие туфли даже тогда стоили недешево). Вот девушки и разработали систему «взаимовыгодных договоренностей», обеспечивающую им небольшой дополнительный доход. Доктор Келлогг и ему подобные были частью этой системы.

Как мне теперь представляется, даже доктор Келлогг не считал этих юных леди проститутками. Ему нравилось называть их подружками, выдавая желаемое за действительное: да, он себе льстил, но так ему было проще.

Другими словами, несмотря на непреложный факт обмена секса на деньги (а сексом там занимались только за деньги, уж поверь), ни о какой проституции и речь не шла. Всего лишь «взаимовыгодная договоренность», и она устраивала обе стороны. Ты ведь знаешь лозунг: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Меня несказанно радует, что мы прояснили этот вопрос, Анджела.

Столь важная тема не терпит недомолвок.

– Только учти, Вивви, он зануда, – предупредила Дженни. – Если вдруг заскучаешь, ни в коем случае не подумай, что секс всегда такой унылый.

– Зато он доктор, – возразила Селия. – Самое то для нашей Вивви. Сейчас ей важнее всего бережное обращение.

(«Нашей Вивви»! Разве придумаешь лучшее напутствие? Меня считают «своей Вивви»!)

Субботним утром мы сидели под сенью вяза в дешевой закусочной на пересечении Третьей авеню и Восемнадцатой улицы, дожидаясь, когда пробьет десять. Девочки успели показать мне дом доктора Келлогга – совсем рядом, за углом, – и черный ход, которым мне надлежало воспользоваться. А пока мы заправлялись кофе и блинчиками и подруги взволнованно давали мне последние указания. Вообще-то, артистки крайне редко вставали в такую рань, тем более по субботам, но ни одна не пожелала пропустить столь важное событие.

– Он наденет резинку, Вивви, – предупредила Глэдис. – Он всегда ею пользуется, так что не о чем переживать.

– С резинкой ощущения похуже, – добавила Дженни, – но без нее нельзя.

Термин «резинка» мне не доводилось слышать, но я догадалась, что речь о презервативе – приспособлении, о котором нам рассказывали на том самом семинаре «Гигиена» в Вассаре. Я даже держала одну такую штуковину в руках – мы с девчонками брезгливо передавали ее по

рядом, будто дохлую препарированную лягушку. Если Глэдис и Дженни имели в виду другую резинку, решила я, скоро сама все узнаю, так что нет смысла спрашивать.

– А потом раздобудем тебе пессарий, – добавила Глэдис. – У нас у всех стоит пессарий.

Что такое пессарий, я тоже не знала, но потом сообразила, что это диафрагма. О ней нам тоже рассказывали на уроках гигиены.

– А у меня больше нет пессария! – пожаловалась Дженни. – Его бабушка нашла и спросила, для чего он, и я соврала, что этой штукой чистят серебро. И она забрала его себе.

– Чистят серебро?! – взвизгнула Глэдис.

– Надо ведь было что-то сказать, – пожала плечами Дженни.

– Одного не пойму: как приспособить пессарий для чистки серебра? – не сдавалась Глэдис.

– А мне-то откуда знать! Спроси бабулю, она как-то умудряется.

– Как же ты сейчас предохраняешься? – спросила Глэдис.

– Никак... ведь мой пессарий лежит у бабули в шкатулке с драгоценностями.

– Дженни! – хором воскликнули Селия и Глэдис.

– Да знаю я, знаю. Но я осторожна.

– Вот уж дудки! – отрезала Глэдис. – Ты постоянно забываешь об осторожности! Вивиан, не будь такой глупой дурочкой, как Дженни. Предохраняться надо всегда!

Селия порылась в сумочке и протянула мне сверток в коричневой бумаге. Внутри оказалось маленькое, аккуратно сложенное белое махровое полотенце, все еще с ценником.

– Это тебе, – объяснила Селия. – Если кровотечение начнется.

– Спасибо, Селия.

Она пожала плечами, отвернулась и, к моему изумлению, покраснела.

– Иногда в первый раз идет кровь. Хоть будет чем вытереться.

– Только не вздумай пачкать полотенца миссис Келлогг, – добавила Глэдис.

– Да уж, вещички миссис Келлогг лучше не трогать, – сказала Дженни.

– Кроме ее мужа! Его можно трогать, – прыснула Глэдис, и девушки расхохотались.

– Ого! Уже одиннадцатый час, Вивви, – сказала Селия. – Тебе пора.

Я попыталась встать, но в глазах вдруг потемнело. Я тяжело плюхнулась обратно на скамейку. Ноги не слушались. Умом я совершенно не волновалась, но тело было другого мнения.

– Все в порядке, Вивви? – спросила Селия. – Ты точно хочешь?

– Хочу, – подтвердила я. – Совершенно точно.

– Ты, главное, не накручивай себя, – посоветовала Глэдис. – Я вот никогда не накручиваю.

Здравый совет, решила я. Вспомнила, как мать учила меня несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, прежде чем брать барьер верхом на лошади, – а потом встала и направилась к выходу.

– До скорого, девочки! – попрощалась я весело, хотя происходящее казалось мне немного нереальным.

– Будем ждать тебя ровно на этом месте, – пообещала Глэдис.

– Оглянуться не успеешь, как все кончится! – успокоила меня Дженни.

Глава шестая

Доктор Келлогг ждал меня прямо у черного хода. Я едва успела постучать, как дверь распахнулась, и меня пригласили в дом.

– Здравствуй, здравствуй. – Доктор высунулся наружу и огляделся по сторонам, проверяя, не шпионят ли за нами соседи. – Давай-ка закроем за тобой дверь, милочка.

Он был среднего роста, с самым обычным лицом и цветом волос, в самом обычном костюме, какие носят все уважаемые мужчины средних лет. (Если сейчас у тебя появилось подозрение, что я не в состоянии вспомнить его внешность, ты не ошиблась: я и правда совершенно его забыла. Попадают такие люди, чьи черты невозможно запомнить, даже когда стоишь нос к носу и смотришь им прямо в лицо.)

– Вивиан, – он протянул мне руку для рукопожатия, – благодарю за визит. Пойдем наверх и расположимся там.

Он говорил со мной, как доктор с пациенткой. Точь-в-точь мой педиатр в Клинтоне. Будто я пришла с жалобой на ушную инфекцию. Меня это, с одной стороны, успокоило, с другой – развеселило. Я чуть не захихикала, но сдержалась.

Мы прошли по его дому, элегантному и уважаемому, но, как и сам доктор, совершенно безликому. В округе наверняка нашлась бы сотня домов с точно такой же обстановкой. Помню лишь шелковые диваны с дурацкими кружевными салфеточками на спинках. Терпеть не могу кружевные салфетки. Доктор провел меня в комнату для гостей, где на кофейном столике нас ждали два бокала с шампанским. Шторы были задернуты – видимо, чтобы не напоминать о безбожно раннем часе. Келлогг закрыл за собой дверь.

– Располагайся на кровати, Вивиан. – Он протянул мне бокал с шампанским.

Я чопорно присела на самый краешек, почти ожидая, что доктор сейчас вымоет руки и достанет стетоскоп, но он придвинул деревянный стул и устроился прямо напротив меня. Подавшись вперед, Келлогг опустил локти на колени и уставился на меня, будто собирался поставить диагноз.

– Итак, Вивиан. Наша общая подруга Глэдис упомянула, что ты девственница.

– Верно, доктор, – ответила я.

– Не нужно называть меня «доктор». Мы ведь друзья. Зови меня Гарольдом.

– Очень приятно, Гарольд, – сказала я.

С этого момента, Анджела, происходящее превратилось для меня в сплошную комедию. Если раньше я волновалась, то теперь нервозность как рукой сняло. Это ведь чистый абсурд: моя реплика «очень приятно, Гарольд», маленькая гостевая комната с нелепым мятно-зеленым синтетическим покрывалом на кровати (я не помню лица доктора Келлогга, но то жуткое покрывало мне никогда не забыть), доктор в своем официальном костюме и я в лютиково-желтом вязаном платье, – даже если поначалу Келлогг не верил, что я девственница, само это платье развеяло бы всякие сомнения.

Полный идиотизм. Доктор привык к артисткам бурлеска, а ему подсунили меня!

– Глэдис сообщила, что ты желаешь... – он подыскивал нужное слово, – избавиться от девственности?

– Так точно, Гарольд, – отвечала я, – желаю удалить ее без наркоза.

До сих пор уверена: тогда я впервые в жизни удачно пошутила, причем с совершенно невозмутимым лицом, что доставило мне невероятное удовольствие. «Удалить без наркоза»! Блеск.

Он серьезно кивнул; хороший врач с плохим чувством юмора.

– Тогда будь любезна снять одежду, – предложил он. – Я тоже разоблачусь, и начнем.

Тут я засомневалась, нужно ли раздеваться догола. Обычно в кабинете врача я оставалась в нижнем белье – так учила меня мама. (Господи, ну почему я в такой момент вспомнила о матери?) С другой стороны, обычно в кабинете врача я не собиралась заниматься сексом с доктором. И я приняла опрометчивое решение снять все. Еще не хватало, чтобы Гарольд счел меня застенчивой дурушкой. Абсолютно голая, я улеглась на спину поверх кошмарного синтетического покрывала: руки по швам, ноги пряменько. Только представь: ни дать ни взять коварная искусительница.

Доктор Келлогг остался в трусах и нижней сорочке. Я решила, что так нечестно. Почему ему можно раздеваться не до конца, а мне нельзя?

– Будь добра, подвинься чуть в сторону, чтобы мне тоже хватило места... – попросил он. – Вот так. Отлично... Давай-ка на тебя посмотрим.

Он лег рядом, подпер голову рукой и стал меня разглядывать. Только не подумай, что мне было противно. Будучи тщеславной юной особой, в глубине души я считала совершенно нормальным, что людям нравится на меня смотреть. В собственной внешности меня больше всего тревожила грудь, точнее, ее отсутствие. Но доктора Келлогга это, похоже, не беспокоило, хотя он привык к совсем другим формам. На самом деле открывшийся его глазам вид явно доставлял ему удовольствие.

– Грудь девственницы! – восхитился он. – Которой не касался ни один мужчина!

(«Ну, я бы так не сказала», – подумалось мне. Разве что не касался взрослый мужчина.)

– Заранее прошу прощения за холодные руки, Вивиан, – сказал доктор. – Сейчас я начну тебя трогать.

И он действительно начал меня трогать. Сначала потискал левую грудь, затем правую, потом снова левую и еще раз правую. Как он и предупредил, руки у него были ледяные, но вскоре согрелись. Сначала я запаниковала и даже зажмурилась, но через некоторое время происходящее увлекло меня, и я подумала: ого, а это интересно! Давайте еще!

В какой-то момент мне стало по-настоящему приятно. Тогда-то я и решилась открыть глаза, чтобы ничего не пропустить. Полагаю, мне хотелось увидеть, как мужчина страстно набрасывается на мое тело. (Ох уж этот нарциссизм юности!) Я посмотрела вниз, залюбовавшись своей тонкой талией и изгибом бедра. Я загодя побрила ноги позаимствованной у Селии бритвой, и в приглушенном свете они выглядели чудесно гладкими. Грудь под ладонями доктора Келлогга тоже была хороша.

Ладони мужчины! На моей обнаженной груди! Вот это да!

Я украдкой взглянула на лицо Гарольда и порадовалась тому, что увидела: алеющие щеки, сосредоточенно нахмуренные брови. Он тяжело дышал через нос, и я решила, что это хороший знак, – значит, я его возбудила. И мне нравились его ласки и тот эффект, который они производили на кожу, – грудь порозовела, разругманилась.

– А сейчас я возьму твой сосок в рот, – предупредил Гарольд. – Это стандартная процедура.

Лучше бы он ничего не говорил. А то мы как на медосмотре. В предыдущие годы я много думала о сексе, но ни в одной из фантазий любовник не вел себя как врач, посещающий пациента на дому.

Гарольд наклонился и взял мой сосок в рот, как и обещал, чему я несказанно порадовалась, поскольку доктор наконец замолчал. Но вообще-то, таких приятных ощущений я в жизни не испытывала. Снова закрыв глаза, я решила лежать неподвижно и тихо, рассчитывая, что доктор продолжит делать мне приятное. Но он внезапно прервался и снова заговорил:

– Мы будем продвигаться осторожно и поэтапно, Вивиан. Господи боже, можно подумать, он собирается ввести мне ректальный термометр! В детстве у меня однажды был такой опыт, но сейчас мне меньше всего хотелось о нем вспоминать.

– Или ты хочешь побыстрее покончить с этим, Вивиан? – спросил доктор Келлогг.

– Что? – сказала я.

– Я полагаю, ты нервничаешь, впервые оказавшись в постели с женщиной. И возможно, лучше сделать дело побыстрее, чтобы не растягивать неловкость. Или же ты хочешь, чтобы мы не спешили и я кое-чему тебя научил? Тому, что нравится миссис Келлогг, к примеру?

О нет! Меньше всего мне хотелось учиться тому, что нравится миссис Келлогг! Но я действительно не знала, что ответить. Поэтому просто глупо тарасилась на него.

– В двенадцать у меня начинается прием, – весьма неромантично напомнил доктор. Кажется, мое молчание его раздражало. – Но пока у нас еще достаточно времени на изобретательные забавы, если они тебя привлекают. Только решай поскорее.

Да как тут решишь? Откуда мне знать, что меня привлекает? «Изобретательные забавы» – что это вообще такое? Я лишь растерянно моргала в ответ.

– Нашему маленькому утенку страшно, – ласково проговорил он.

Мне захотелось прибить его за этот сюсюкающий тон.

– Вовсе мне не страшно, – ответила я и не соврала. Я не боялась – просто не знала, что делать. Я-то думала, он накинется на меня и растерзает, а тут такая тяготица. Неужели обязательно обсуждать каждый пункт?

– Все в порядке, утенок, – заверил он. – Мне не впервой. Совсем засмушалась, да? Позволь я возьму инициативу на себя.

И он опустил ниже и коснулся моего лобка. Потом накрыл рукой вульву. Ладонь он держал раскрытой – так угощают рафинадом лошадь, опасаясь, что она может укусить. Потом он стал тереть мой маленький холмик. Это было не так уж плохо. Вообще-то, очень даже неплохо. Я снова закрыла глаза и закачалась на волшебных волнах чудесных ощущений.

– Миссис Келлогг любит, когда я так делаю. – У меня перед глазами возникла миссис Келлогг с ее кружевными салфеточками, и возбуждение как рукой сняло. – Она любит, когда я делаю круговые движения сначала по часовой стрелке... а потом против часовой стрелки...

Теперь мне стало ясно, что главная беда заключается в разговорах.

Я стала думать, как заставить доктора Келлогга замолчать. Нельзя же просто попросить его не болтать, ведь он у себя дома и к тому же оказывает мне одолжение, согласившись лишиться меня девственности. Я была воспитанной девушкой и привыкла с известным почтением относиться ко взрослым; у меня просто язык не повернулся бы сказать: «Не соблаговолите ли вы заткнуться, доктор?»

Тут я сообразила: если я попрошу его поцеловать меня, говорить он больше не сможет. Возможно, план сработает. Ведь рот-то у него будет занят. Но тогда мне тоже придется его целовать, а я сомневалась, хочу ли этого. Что хуже – целоваться с доктором и наслаждаться молчанием или не целоваться и слушать его надоедливую болтовню?

– Твоей киске нравится, когда ее гладят? – спросил он, продолжая тереть мне между ног. – Твоя киска мурлычет?

– Гарольд, – сказала я, – не могли бы вы поцеловать меня?

Наверное, я несправедлива к доктору Келлоггу.

Ведь он был добрым человеком и просто пытался помочь, не слишком испугав меня. Уверена, меньше всего на свете ему хотелось меня обидеть. Думаю, он рассматривал эту ситуацию с точки зрения клятвы Гиппократы: «не навреди» и все такое прочее.

А может, он вовсе и не был добрым. Теперь уже не узнать, ведь больше я его не видела. Так что давай не будем изображать его героем. Может, он совершенно не пытался мне помочь, а просто наслаждался дефлорацией смущенной нимфетки в своей гостевой комнате, пока женушка навещает его мамашу.

Во всяком случае, проблем с эрекцией у него не возникло, и вскоре он отвернулся, чтобы надеть «резинку». Раньше я никогда не видела эрегированный пенис (знаменательный

момент!), хотя и сейчас толком его не разглядела. Отчасти потому, что на нем был презерватив, и к тому же доктор Келлогг заслонял его рукой. А еще потому, что уже через секунду Гарольд оказался на мне.

– Вивиан, – сказал он, – думаю, чем быстрее я совершу проникновение, тем лучше для тебя. В этом случае, пожалуй, действовать поэтапно не стоит. Приготовься. Я вхожу.

Сказано – сделано.

Вот так все и случилось.

Боль оказалась не такой сильной, как я опасалась. Это хорошая новость. Плохая новость, что мне было далеко не так приятно, как я рассчитывала. Я-то надеялась, что секс с проникновением многократно усилит чувства, которые я испытывала, когда Гарольд целовал мне соски и гладил между ног, но нет. На самом деле прежнее удовольствие вмиг испарилось, сменившись очень резким и грубым ощущением, которое немножко напоминало боль при месячных. Я безошибочно чувствовала присутствие чужеродного предмета внутри меня, и это было не хорошо и не плохо – только жутко странно.

Доктор стонал и совершал резкие толчки, бормоча сквозь стиснутые зубы:

– Миссис Келлогг предпочитает, чтобы...

Но я так и не узнала предпочтений миссис Келлогг, потому что снова начала целовать Гарольда. Только так удавалось заставить его замолчать, как я успела убедиться. К тому же мне хоть было чем заняться, пока он делает свое дело. Я уже говорила тебе, Анджела, что не блистала опытом по части поцелуев, но в целом догадывалась, как это делается. В таких вещах мастерство приходит только с опытом, но я очень старалась. Было не так-то просто зажимать ему рот своим, в то время как доктор по мне елозил, однако дело того стоило: мне жутко не хотелось, чтобы он снова заговорил.

Но в последний момент он все же произнес одно слово.

Оторвавшись от моих губ, он воскликнул:

– Изумительно! – после чего выгнулся назад, еще раз сильно дернулся, и на том дело кончилось.

После доктор Келлогг встал и пошел в другую комнату, наверное, чтобы помыться. Вернувшись, он немного полежал рядом, крепко обняв меня и приговаривая:

– Утенок, утенок, мой славный маленький утенок! Не плачь, утенокчик.

Я не плакала – даже не думала плакать, – но он даже не заметил.

Вскоре доктор снова встал и попросил разрешения проверить, не запачкала ли я кровью покрывало, ведь он забыл постелить простыню.

– Еще не хватало, чтобы миссис Келлогг заметила пятно, – беспокоился он. – Я совсем потерял голову. Обычно я куда более аккуратен. Видимо, не хватило осмотрительности, что, вообще говоря, мне несвойственно.

– Ой, – вспомнила я и схватила сумочку, радуясь, что могу поспособствовать, – у меня ведь есть полотенце!

Но крови не было. Ни капельки. Видимо, уроки верховой езды в детстве сделали свое дело, избавив меня от девственной плевы. Спасибо маме! К своему облегчению, сильной боли я тоже не почувствовала.

– А теперь, Вивиан, – инструктировал доктор, – я попрошу тебя в ближайшие два дня не принимать ванну, так как можно занести инфекцию. Душ вполне допустим, но не погружайся в воду. Если возникнут выделения или неприятные ощущения, Глэдис и Селия покажут, как спринцеваться уксусом. Но ты крепкая здоровая девушка, так что осложнений не предвидится. Сегодня ты держалась молодцом. Я тобой горжусь.

Я почти ждала, что сейчас он вручит мне леденец на палочке.

Пока мы одевались, доктор Келлогг болтал о том, какая сегодня хорошая погода. Застала ли я цветение пионов в Грамерси-парке в прошлом месяце? Нет, ответила я, в прошлом месяце

я даже не жила в Нью-Йорке. Что ж, заметил он, я непременно должна полюбоваться пионами в следующем году: срок их цветения совсем короток, но зрелище незабываемое. (Только не подумай, что доктор Келлогг пытался провести параллель между пионами и кратким сроком моего «цветения», – не будем приписывать ему несуществующую склонность к романтике и патетике. Похоже, он просто любил пионы.)

– Позволь проводить тебя к выходу, утенок.

Мы спустились по лестнице, прошли через гостиную с салфеточками и оказались у двери черного хода. На кухне доктор прихватил со стола заготовленный конверт и вручил мне, пояснив:

– В знак моей признательности.

Я знала, что там деньги, но сочла, что не заслуживаю их.

– О нет, Гарольд, я не могу, – сказала я.

– Нет-нет, непременно возьми.

– Нет-нет, не могу. Никак не могу, нет.

– Но я настаиваю.

– Но я не могу...

Вынуждена признаться, я упиралась вовсе не потому, что не хотела сойти за проститутку. (Мои моральные качества не настолько высоки.) Скорее, дело в привитых с детства социальных условностях. Видишь ли, родители раз в неделю посылали некоторую сумму на мое содержание, которую тетя Пег выдавала мне по средам, и деньги доктора Келлогга были мне просто не нужны. Кроме того, совесть подсказывала, что я их не особенно и заработала. Я плохо разбиралась в сексе, но сильно сомневалась, что доктору Келлоггу было со мной весело. Когда девушка лежит на спине, вытянув руки по швам, и почти не шевелится, разве что лезет с поцелуями при каждой попытке завести разговор, – радости от нее в постели немного, согласись. Если мне будут платить за секс, пусть уж платят за дело.

– Вивиан, я требую, чтобы ты взяла конверт, – заявил он.

– Гарольд, я отказываюсь.

– Вивиан, прошу, не устраивай сцену. – Доктор нахмурился и насильно всучил мне конверт. (В тот момент я была ближе всего к испугу и волнению за все время нашего короткого знакомства с доктором Келлоггом.)

– Ладно, – уступила я и взяла деньги.

(Полюбуйтесь-ка на меня, мои достопочтенные предки! Вознаграждение за секс, причем с первой же попытки, вот так-то!)

– Ты прелестная девушка, – сказал мне доктор на прощанье. – И не беспокойся: грудь у тебя еще вырастет.

– Спасибо, Гарольд, – ответила я.

– Очень помогает стакан простокваши ежедневно.

– Благодарю, обязательно попробую, – соврала я, вовсе не собираясь ежедневно выпивать стакан простокваши.

Я уже собиралась шагнуть за дверь, как вдруг меня разобрало любопытство.

– Гарольд, а можно узнать, какая у вас специализация?

По моим предположениям, он был или гинекологом, или педиатром. Я склонялась в пользу педиатрии и просто хотела удостовериться.

– Я ветеринар, утенок, – ответил он. – Передавай мои наилучшие пожелания Глэдис и Селии и не забудь полюбоваться пионами следующей весной!

Я вывалилась на улицу, сгибаясь пополам от хохота, и помчалась в закусочную.

Как было обещано, девочки в полном составе дожидались меня за столиком. Не успели они и рот раскрыть, как я завопила:

– Он же ветеринар! Вы отправили меня к ветеринару?!

- Как все прошло? – спросила Глэдис. – Больно было?
- Он ветеринар! – захлебывалась я хохотом. – А вы говорили, что он врач!
- Доктор Келлогг и есть врач, – возразила Дженни. – У него на табличке написано.
- К ветеринару меня отправили, точно кошку на стерилизацию!

Я плюхнулась на диванчик рядом с Селией, с облегчением почувствовав рядом ее теплый бок. От приступов хохота меня трясло с головы до пят. Я чувствовала себя свободной и дикой. Как будто прежде я и не жила вовсе, а теперь жизнь во мне была ключом. Счастье, возбуждение, отвращение, стыд, гордость – все это нахлынуло разом и совершенно сбивало с толку, но чувствовала я себя потрясающе. Послевкусие от секса намного превзошло сам секс. Мне просто не верилось, что я совершила такой подвиг. Как будто на моем месте оказалась совсем другая Виввиан, бесстрашная и дерзкая, – секс с незнакомцем, с ума сойти! – и вместе с тем я как никогда ощущала себя настоящей.

При виде сидящих за столиком девушек меня накрыло такой мощной волной благодарности, что я чуть не прослезилась. Как здорово, что они рядом! Мои подруги! Самые лучшие подруги в мире! Мои самые лучшие подруги, с которыми я познакомилась всего две недели назад – кроме Дженни, с которой мы знакомы только два дня! Как же я их всех люблю! Они ждали меня! Они беспокоились обо мне!

- И все-таки – как прошло? – спросила Глэдис.
- Отлично. Просто отлично.

Передо мной стояла тарелка остывших блинов, недоеденных за завтраком, и я накинулась на них, как хищник на добычу. У меня тряслись руки. Казалось, я никогда не наемся. Господи, да я просто умирала с голоду! Раз за разом поливая блины сиропом, я запихивала их в рот один за другим.

- И вечно талдычит про свою женушку, скажите же? – пробубнила я с набитым ртом.
- Не то слово! – Дженни закатила глаза. – Просто ужас.
- Он мямля, – признала Глэдис, – зато добрый, а это самое главное.
- А больно-то было? – спросила Селия.
- Представляешь, вообще ни капельки, – ответила я. – Даже полотенце не пригодилось.
- Повезло тебе, – вздохнула Селия. – Еще как повезло.
- Не сказать чтобы было приятно, – добавила я, – но и не противно. Слава богу, теперь все позади. Похоже, не худший способ лишиться девственности.

- Все остальные намного хуже, – подтвердила Дженни. – Поверь. Я перепробовала их все.
- Вивви, я ужасно тобой горжусь, – заявила Глэдис. – Сегодня ты стала женщиной.

Она приветственно подняла чашку кофе, и я чокнулась с ней своим стаканом с водой, и этот тост Глэдис, примы кордебалета, заменил мне самые пышные церемонии посвящения и самые высокие награды.

- И сколько он тебе дал? – поинтересовалась Дженни.
- Ой, я и забыла! – Я достала из сумочки конверт. – Открой лучше ты. – Дрожащими руками я вручила его Селии.

Та разорвала конверт, привычным жестом пересчитала купюры и объявила:

- Пятьдесят баксов!
- Пятьдесят баксов! – ахнула Дженни. – А обычно дает двадцать!
- На что потратим? – спросила Глэдис.

– Надо устроить что-нибудь особенное, – объявила Дженни, а я почувствовала облегчение оттого, что девушки сочли деньги общими, а не лично моими. Теперь бремя позора словно разделилось на всех. Да и дух товарищества только укрепился.

- Можно смотаться на Кони-Айленд, – предложила Селия.
- Не успеем, – возразила Глэдис. – К четырем надо вернуться в «Лили».

– Успеем, – сказала Селия. – Мы быстренько. Съедем по хот-догу, посмотрим на пляж и сразу обратно. Возьмем такси. Деньги-то у нас есть, верно?

И мы поехали на Кони-Айленд. Открыв нараспашку все окна в такси, мы курили, смеялись и болтали. Стоял самый теплый денек с начала лета. Небо сияло невозможной синевой. Я сидела на заднем сиденье между Селией и Глэдис, а Дженни устроилась на переднем и без умолку щебетала с водителем – а тот не верил своему счастью, любуясь целой стайкой ослепительных красоток, впорхнувших к нему в машину.

– Откуда вы взялись, девчонки, с такими-то фигурками? – подмигнул он нам, и Дженни тут же его осадила:

– Не наклейте, мистер! – Но, готова поклясться, ей льстило его внимание.

– А вам не совестно перед миссис Келлогг? – спросила я Глэдис, ощущая смутное беспокойство насчет своей утренней эскапады. – В смысле вы ведь спите с ее мужем. Может, мне следует стыдиться?

– Совесть не резиновая, знаешь ли, – отмахнулась Глэдис. – Если переживать по каждому поводу, то и жить будет некогда.

Боюсь, таков был предел наших моральных угрызений. Больше мы про миссис Келлогг не вспоминали.

– В следующий раз хочу попробовать с другим, – решительно сказала я. – Думаете, у меня получится найти кого-нибудь еще?

– Раз плюнуть, – заверила Селия.

На Кони-Айленде было весело и солнечно. От обилия дешевых курортных развлечений рябило в глазах. По набережной прогуливались шумные семьи, молодые парочки, дети с липкими от конфет пальцами, обалдевшие от счастья – точь-в-точь как я. Мы разглядывали афиши бродячих цирков. Спустились на пляж и помочили ноги в воде. Мы ели яблоки в карамели и лимонный шербет. Сфотографировались с силачом. Накупили плюшевых зверюшек, видовых открыток и маленьких сувенирных пудрениц. Я подарила Селии симпатичную плетеную сумочку, расшитую ракушками, а девчонкам – солнечные очки, оплатила такси до центра Манхэттена, и у меня еще осталось девять долларов.

– Хватит на добрый стейк, – сказала Дженни.

Мы вернулись в театр, едва успев к пятичасовому спектаклю. Оливия рвала на себе волосы, испугавшись, что девушки опоздают к выходу. Она ходила кругами и кудахтала, как квочка, распекая всех за нерасторопность. Но Селия, Дженни и Глэдис юркнули в костюмерные и вынырнули минутой позже в полном облачении, словно блески и страусовые перья выросли на них сами собой.

Тетя Пег тоже была там и довольно рассеянно поинтересовалась, хорошо ли я провела день.

– Еще как! – воскликнула я.

– Вот и умница, – сказала Пег. – Веселись, пока молода. Перед самым выходом на сцену Селия сжала мне руку. Я обняла подругу, прижавшись к ее невозможно прекрасному телу.

– Селия! – прошептала я. – До сих пор не верится, что сегодня я лишилась невинности!

– Невелика потеря, – ответила она. – Ты ни разу о ней не пожалеешь.

И знаешь что, Анджела?

Селия была абсолютно права.

Глава седьмая

Так все и началось.

Теперь, пройдя инициацию, я постоянно думала о сексе – и весь Нью-Йорк был пропитан им. Мне надо было многое наверстать. Столько лет потрачено впустую! Столько лет я была скучной и занималась скучными вещами, но отныне не желала скучать ни дня! Ни часа! Ни минуты!

А сколько всего нужно узнать! Я хотела, чтобы Селия научила меня всему, что знала сама. О мужчинах, о сексе, о Нью-Йорке, о жизни вообще – я жаждала знать все, и Селия с радостью стала моим учителем. Отныне и навсегда я перестала быть ее девочкой на побегушках (по крайней мере, почти перестала) и превратилась в соучастницу. Теперь Селия больше не возвращалась домой среди ночи пьяная после диких загулов; теперь мы обе возвращались домой среди ночи пьяные после диких загулов.

Тем летом мы рыскали по ночному Нью-Йорку в поисках приключений на свою голову, и те нас всегда находили. Хорошенькой девушке в большом городе не приходится долго искать приключений, но если приключений ищут две хорошенькие девушки, удача ждет их буквально на каждом углу – а нам только этого и хотелось. Мы с Селией поставили себе цель веселиться на всю катушку и шли к этой цели с почти маниакальным упорством. Мы были ненасытны – не только по части парней, но и в еде, коктейлях, танцах до упаду и живой музыке, которая заставляет курить сигареты одну за другой и хохотать, запрокинув голову.

Иногда в начале вечера к нам присоединялись другие девочки из «Лили», но где им было угнаться за нами. Стоило одной из нас чуть притормозить, инициативу перехватывала другая. Порой мне казалось, что мы с Селией исподтишка наблюдаем друг за другом, пытаемся придумать, что бы еще такого выкинуть, ведь мы понятия не имели, чем займемся дальше. Мы знали только, что нам хочется веселиться. Думаю, в первую очередь нас с Селией гнал вперед страх заскучать. В наших сутках было сто часов, и мы стремились заполнить их все; нам казалось, что иначе мы погибнем от тоски.

Короче, тем летом мы избрали бесчинство и угар – и предавались им с таким рвением, что я до сих пор сама себе поражаюсь.

Вспоминая лето 1940 года, я вижу себя и Селию двумя темными, чернильно-черными сгустками чистой похоти, дрейфующими сквозь тьму и неоновое сияние Нью-Йорка в безостановочном поиске приключений. И как бы я ни пыталась вспомнить отдельные сцены, вызывать в памяти детали, наш марафон сливается в одну длинную, жаркую, потную ночь.

После окончания спектакля мы с Селией переодевались в самые короткие и узкие вечерние платья в мире и бросались в гущу событий. Выбегали на заждавшиеся улицы, ни капли не сомневаясь, что упускаем самое интересное и важное: как они посмели начать без нас?

Вечер всегда начинался у Тутса Шора¹², в «Эль Марокко» или «Аисте», но мы даже понятия не имели, где окажемся через несколько часов. Если в центре становилось слишком скучно и привычно, мы мчались на метро в Гарлем послушать Каунта Бейси¹³ или выпить в «Красном петухе». Но с таким же успехом могли отправиться с ребятами из Йеля в «Риц» или отплясывать с социалистами в «Вебстер-холле». Главное, чтобы соблюдалось правило: танцуй до упаду, а потом танцуй еще.

---

¹² Бернард «Тутс» Шор (1903–1977) – владелец легендарного салона-ресторана на Манхэттене.

¹³ Каунт Бейси (наст. имя Уильям Джеймс Бейси; 1904–1984) – один из самых знаменитых американских музыкантов эпохи свинга, джазовый пианист.

Мы перемещались с невероятной скоростью. Иногда мне казалось, что я не успеваю за городом, что волочусь в хвосте, проваливаясь в бездонную воронку звуков, огней и кутежа. Но бывало, что город не успевал за нами: куда бы мы ни шли, за нами тянулся шлейф событий и людей. В безумии тех ночей мы иногда встречали по пути мужчин, с которыми Селия была уже знакома, иногда знакомились с новыми. Или и то, и другое. Иногда я целовалась с тремя красавчиками за вечер, иногда трижды целовалась с одним красавчиком – уследить было сложно, да я и не трудилась.

Кавалеры находились сами собой.

Селии Рэй достаточно было войти в клуб, и все мужчины падали к ее ногам. Она ослепляла своим великолепием уже на пороге, будто швыряя гранату в гнездо пулеметчика, после чего оставалось лишь пройти по залу во всей красе, оценивая нанесенный ущерб. Как только она появлялась в клубе, вся сексуальная энергия концентрировалась вокруг нее. Со скучающим видом Селия плыла к барной стойке или столику, притягивая на свою орбиту каждого чужого мужа или любовника, причем без малейших усилий со своей стороны.

Мужчины смотрели на Селию Рэй, точно на шоколадное яйцо с сюрпризом. Им не терпелось поскорее съесть шоколад и докопаться до игрушки.

Она в ответ уделяла им не больше внимания, чем узору на обоях.

И окончательно сводила их с ума.

– Детка, покажи-ка мне свою улыбку, – как-то обратился к ней на танцполе один храбрец.

– Сначала покажи мне свою яхту, – парировала Селия и развернулась на сто восемьдесят градусов.

Поскольку теперь мы всегда были рядом и я внешне походила на Селию, эффект удваивался. В приглушенном свете мы выглядели почти близнецами: одного роста, с одинаковым цветом волос и кожи. Вдобавок я носила такие же узкие платья и такую же прическу, подражала походке Селии и подкладывала вату в лифчик, чтобы грудь казалась больше.

Не хочу хвастаться, Анджела, но наш дуэт был неотразим.

Вообще-то, я как раз хочу похвастаться, и позволь старухе урвать свой кусочек славы: вместе мы выглядели ослепительно. Одним своим появлением мы заставляли всех мужчин за столиками сворачивать шеи.

– Плесните нам чего-нибудь освежающего, – говорила Селия, усаживаясь за барную стойку. Она ни к кому конкретно не обращалась, но уже через мгновение пятеро мужчин протягивали нам коктейли – три для нее, два для меня. А еще через десять минут нам требовались новые порции.

Откуда мы черпали энергию?

О да, конечно: то была энергия самой юности. Мы сами производили ее, точно динамо-машины. Впрочем, по утрам нам приходилось несладко. Даже в таком возрасте похмелье никого не щадит. Но если мне нужно было вздремнуть посреди дня, я всегда могла прикорнуть на репетиции или во время спектакля за кулисами, устроившись на груди старых портьер. Десять минут сна – и я возрождалась для нового штурма города, как только стихнут аплодисменты после шоу.

Легко вести такую жизнь, когда тебе девятнадцать (или, в случае Селии, когда притворяешься, что тебе девятнадцать).

– Плохо кончите, девочки, – однажды бросила нам вслед пожилая леди, когда мы пьяные брели по улице, спотыкаясь на каждом шагу. Она была права. Но не понимала одного: мы и хотели плохо кончить.

О, девичьи желания!

О, манящая и ослепляющая жажда юности! Она толкала нас к краю обрыва и раз за разом загоняла в расставленные нами же ловушки.

Не могу сказать, что летом 1940-го я обучилась премудростям секса, хотя количественный опыт, безусловно, приобрела.

Но одно дело количество, а другое – качество.

Для достижения мастерства в сексе – а для женщины это значит научиться получать удовольствие от процесса и даже режиссировать его, направляя к собственному оргазму, – требуются время, терпение и прилежный партнер. Пока же, в отсутствие столь сложных материй, я брала количеством, а сам половой акт занимал рекордно короткое время. (Мы с Селией не любили надолго зависать в одном месте или с одним мужчиной: а вдруг на другом конце города прямо сейчас происходит что-нибудь поинтереснее?)

Тем летом жажда приключений и сексуальное любопытство сделали меня не только ненасытной, но и падкой на искушения. Такой я себя вижу, вспоминая то время с высоты прожитых лет. Я велась на все, что таило хотя бы легчайший намек на эротику или недозволенность. Неоновые огни в темных переулках, коктейли в половинках кокоса в гавайском зале отеля «Лексингтон», бесплатные билеты в первый ряд, проходки за кулисы безымянных ночных клубов – я заглатывала любую наживку. Я западала на всякого, кто умел играть на музыкальном инструменте или мало-мальски изящно танцевать. Садилась в машину к каждому, у кого была машина. Мужчине достаточно было подойти ко мне в баре с двумя хайболами и сказать: «Кажется, я заказал лишний коктейль по ошибке. Вы мне не поможете?»

О да, помогу с радостью, сэр.

И помощница из меня была хоть куда.

В нашу защиту скажу, что мы с Селией занимались сексом не со всеми мужчинами, с кем познакомились тем летом.

Но почти со всеми.

Вопрос, с кем переспать, для нас с Селией не стоял – какая разница? – гораздо больше нас волновал вопрос где.

И ответ был таков: где придется.

В шикарных номерах отелей, за которые платили заезжие воротилы. На кухне (не работавшей по ночам) маленького клуба в Ист-Сайде. На пароме, где мы непонятно как оказались уже под утро – огни на воде плясали и расплывались перед глазами. На заднем сиденье такси. (Ты решишь, что там неудобно, и уж поверь мне, так и есть: неудобно. Но осуществимо.) В кинотеатре. В примерке в подвале «Лили». В примерке в подвале «Алмазной подковы». В примерке в подвале «Мэдисон-сквер-Гарден». В Брайант-парке, где под ногами шныряют стаи крыс. В темных душных переулках центра Манхэттена в двух шагах от оживленных перекрестков, где снуют такси. На крыше Пак-билдинг. В кабинетах на Уоллстрит, где нас могли услышать лишь ночные уборщики.

Пьяные, с расширенными зрачками, с кипящей кровью, пустоголовые, невесомые – тем летом мы с Селией перемещались по Нью-Йорку со скоростью электричества. Мы не ходили – мы летали. Никаких целей, лишь постоянный поиск острых ощущений. Мы ничего не пропускали и ничего не забывали. Мы видели, как Джо Луис¹⁴ тренировался с партнером по спаррингу; мы слышали выступление Билли Холидей¹⁵, – но я не помню ни единой детали. Мы были слишком заняты собой, чтобы обращать внимание на окружающие нас чудеса. (Скажем, в тот вечер, когда мы попали на концерт Билли Холидей, у меня начались месячные, и я ужасно расстроилась: парень, который мне нравился, ушел с другой девчонкой. Вот тебе мой отчет о выступлении Билли Холидей.)

---

¹⁴ Джо Луис (наст. имя Джозеф Луис Бэрроу; 1914–1981) – великий американский боксер, чемпион мира в супертяжелом весе.

¹⁵ Билли Холидей (наст. имя Элеанора Фейган; 1915–1959) – легендарная джазовая и блюзовая вокалистка.

Мы с Селией накачивались спиртным и врезались в толпу пьяных парней, с подавляющим большинством которых вступали в связь, – последствия ты сама можешь себе представить. Мы шли в бар с ребятами, с которыми познакомились в другом баре, и начинали флиртовать с другими ребятами, которых встретили в новом баре. Из-за нас то и дело вспыхивали драки, и многим доставалось не на шутку, но потом Селия выбирала среди выживших того, кто вел нас в следующий бар, – и заваруха повторялась по новой. Мы порхали от одной компании к другой, переходили из рук в руки. Однажды мы с Селией даже поменялись ухажерами посреди ужина.

– Забирай, – во всеуслышание заявила она прямо при незадачливом партнере, который успел ей наскучить. – Я в дамскую комнату. А ты пока не дай ему загрузить.

– Но это же твой парень! – воскликнула я, когда ее поклонник послушно придвинулся ко мне. – А ты моя подруга!

– Ох, Вивви! – Селия взглянула на меня ласково и жалостливо, как на неразумное дитя. – Такую подругу не потеряешь, всего лишь уведя у нее парня!

Тем летом я почти не общалась с родными.

Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы они прознали про мои безумства.

Раз в неделю мать присылала деньги на карманные расходы и короткое письмо, в котором сообщала последние новости. Папа повредил плечо, играя в гольф. Брат грозит уйти из Принстона в следующем семестре и вступить во флот: хочет служить своей стране. Мать победила такую-то в таком-то теннисном турнире. В ответ я раз в неделю посылала родителям открытку с одним и тем же стандартным набором пресных и туманных сведений. У меня все хорошо, я работаю в театре, Нью-Йорк – чудесный город, спасибо за деньги. Время от времени подбрасывала какую-нибудь безобидную подробность, например: «На днях мы с тетей Пег замечательно пообедали в „Никербокере“».

Естественно, я не сообщала родителям о том, что недавно моя подруга Селия, артистка бурлеска, отвела меня к врачу, чтобы мне нелегально поставили пессарий. (Нелегально – потому что в те времена врач не имел права прописывать контрацепцию незамужним женщинам. Но, к счастью, танцовщицы знали, к кому обращаться в таких случаях. Гинеколог Селии, немногословная русская, не задавала вопросов. Она снабдила меня всем необходимым даже глазом не моргнув.)

Ни слова я не сказала маме с папой и о том, как испугалась, что подхватила гонорейю – которая, слава богу, оказалась всего лишь легкой инфекцией мочевыводящих путей, хотя целую неделю я провела в мучительном страхе, пока ситуация не проявилась. Умолчала я и о том, как меня повергла в ужас задержка месячных – к счастью, эта проблема тоже решилась сама собой. Еще я не рассказывала, что регулярно сплю с Кевином «Псом» О'Салливаном – управляющим подпольной ирландской лотереей в Адской кухне. (Разумеется, я водила шашни и с другими, не менее опасными мужчинами, но кличка у Кевина была самая яркая – Пес.)

Не упоминала я и о том, что презервативы теперь у меня всегда с собой: мне хватило одного приступа гонорейной паники, да и осторожность лишней не бывает. Я также не призналась, что «резинками» меня регулярно снабжают дружки по доброте сердечной («Представляешь, матушка, в Нью-Йорке презервативы продают только мужчинам!»).

Нет, обо всем этом я умолчала.

Зато поделилась новостью, что камбала в «Никербокере» – просто пальчики оближешь.

И не соврала. Камбалу там подавали отменную.

Тем временем мы с Селией продолжали развлекаться в том же духе, каждый вечер отправляясь на поиски приключений, больших и маленьких.

От выпивки мы совершенно теряли голову. Мы забывали следить за ходом времени, числом коктейлей и именами кавалеров. Накачиваясь джином с тоником, мы забывали, как представлять ноги. Пускаясь во все тяжкие, мы забывали о собственной безопасности, и за нами приглядывали другие люди, часто совершенно незнакомые. (Помню, однажды Селия набросилась на любезного джентльмена, который всего лишь хотел проводить нас домой. «Не учите девушек жить!» – кричала она.)

В наших ночных вылазках опасность подстерегала за каждым углом. Мы с Селией были готовы ко всему, и могло случиться что угодно. И частенько случалось.

Видишь ли, Анджела, эффект воздействия Селии на мужчин превращал их в послушных и преданных рабов – пока они вдруг не переставали быть послушными и преданными. Вот они выстраиваются перед нами в шеренгу, готовые слушать приказы и исполнить любую прихоть, милые и покорные. Иногда они такими оставались – но временами, совершенно внезапно, слетали с катушек. Существовал предел мужского вожделения и злости: стоило его пересечь, и назад дороги не было. За этой чертой Селия производила на мужчин прямо противоположный эффект: они буквально зверели. Только что все веселились, кокетничали, поддразнивали друг друга и смеялись, и вдруг сама атмосфера в комнате менялась, и дело могло кончиться не только сексом, но и насилием.

И обратить все в шутку не было шансов.

Дальше начинался беспредел.

В первый раз, когда это случилось при мне, Селии удалось предугадать перемену обстановки буквально за секунды, и она отослала меня прочь. Мы сидели в президентском люксе отеля «Билтмор», куда нас пригласили трое мужчин, с которыми мы только что познакомились в бальном зале «Уолдорфа». Эти типы сорили деньгами налево и направо и явно занимались темными делишками. Если бы меня попросили угадать род их занятий, я бы, пожалуй, сделала ставку на рэкет. Сперва они стелились перед Селией: такие почтительные, такие благодарные за оказанное внимание, они из кожи вон лезли, стараясь доставить удовольствие красотке и ее подруге. Еще шампанского, дамы? Закажем в номер крабов? Не желаете ли посмотреть президентский люкс в «Билтморе»? Радио включить или выключить?

Я еще не знала правил игры; мне казалось забавным, что громилы так выслуживаются перед нами. Повергнуты ниц нашей победительной красотой и все такое. Хотелось посмеяться над их слабостью: ох уж эти мужчины, мы можем из них веревки вить!

А потом – мы как раз поднялись в президентский люкс – произошла та самая перемена, о которой я тебе говорила, и Селия вдруг оказалась зажатой между двумя громилами на диване, и те уже не выглядели угодливыми слабаками. И хотя они даже ничего не делали, градус общения стал совсем другим, и я всерьез испугалась. Их лица неуловимо изменились, и мне это не понравилось. Третий мужчина поглядывал в мою сторону и шутить, похоже, больше не собирался. Эту внезапную перемену можно описать так: представь, что ты наслаждаешься пикником под ярким солнцем и вдруг налетает торнадо. Стрелка барометра резко падает, небо чернеет, птицы смолкают. И вихрь летит прямо на тебя.

– Вивви, – в тот же миг проговорила Селия, – сбегай вниз за сигаретами.

– Сейчас? – спросила я.

– Уходи, – шепнула она, – и не возвращайся.

Я бросилась к выходу, прежде чем третий громила успел меня перехватить, и, к своему стыду, захлопнула дверь, оставив за ней подругу. Я бросила Селию, потому что она мне велела, но на душе все равно было гадко. Селия осталась наедине с тремя гангстерами, а кто знает, что у них на уме? Она отправила меня восвояси, чтобы я не видела, как ее мучают, – и чтобы не мучили меня. В то же время я чувствовала себя ребенком, которого не допустили ко взрослым играм. С одной стороны, я боялась этих мужчин и боялась за Селию, с другой – обижалась, что

меня выгнали. Это было невыносимо. Целый час я мерила шагами холл отеля, гадая, не пора ли бить тревогу и вызвать управляющего. Но что я ему скажу?

Наконец Селия спустилась – одна, без троицы сопровождающих, которые совсем недавно столь любезно пригласили нас в лифт.

Она заметила меня, неспешно подошла и сказала:

– Ну и ночь. Не лучшее завершение вечеринки, доложу я тебе.

– У тебя все хорошо? – спросила я.

– Ага, просто потрясно. – Она оправила платье. – Как я выгляжу?

Выглядела она великолепно, как всегда, – если не считать фингала под левым глазом.

– Прямо-таки конфетка, – заверила я.

Селия заметила, что я таращусь на ее подбитый глаз, и успокоила:

– Только не заводишь, Вивви. Глэдис закрасит синяк, никто и не заметит. Она у нас эксперт. Подгонишь нам такси? Тачка до самого дома – вот что мне сейчас нужно.

Я нашла нам такси, и по дороге домой мы не сказали ни слова.

Оставили ли события той ночи шрам в душе Селии? Ты ведь наверняка считаешь, что оставили, верно?

К стыду своему, Анджела, я не знаю. Мы с ней ни разу не обсуждали тот случай. И я уж точно ни разу не замечала в ней следов душевной травмы. Впрочем, я их и не искала. А если бы и искала, не сумела бы распознать. Может, я надеялась, что мерзкий инцидент просто забудется сам собой, рассосется, как фингал под глазом, если не упоминать о нем. Или считала, что для Селии насилие не в новинку, если учесть ее прошлое. (Не исключено, что так и было, прости господи.)

Той ночью в такси я могла задать ей столько вопросов (для начала хотя бы убедиться, что у нее действительно все хорошо), но я смолчала. И даже не поблагодарила, что она уберегла меня от побоев. Мне было стыдно, что меня понадобилось спасать, – стыдно, что она считает меня более невинной, более хрупкой и уязвимой, чем она сама. До той ночи я могла прикидываться, будто мы с Селией Рэй одного поля ягоды: рискованные оторвы, берущие город штурмом и веселящиеся напропалую. Но это была только бравада. Я лишь заигрывала с опасностью, а Селия знала ее в лицо. Селия знала многие стороны жизни – стороны темные и мрачные, – которых я и не нюхала. От которых она стремилась меня уберечь.

Вспоминая сейчас те времена, Анджела, я ужасаюсь, каким обычным делом тогда выглядело насилие над женщинами – причем не только для Селии, но и для меня. Почему, например, мне даже в голову не пришло поинтересоваться, каким образом Глэдис стала экспертом в маскировке синяков? Пожалуй, общая точка зрения была такова: «Мужчины есть мужчины, что с них возьмешь!» Однако не забудь, что дело происходило задолго до того, как подобные мрачные стороны начали обсуждать вслух, – поэтому мы их не обсуждали и между собой. Вот почему я больше не упоминала тот случай, и Селия тоже о нем не заговаривала. Мы просто сделали вид, что ничего не было.

Хочешь верь, хочешь нет, но следующим вечером мы опять ринулись в город в поисках приключений. Изменилось лишь одно: я пообещала себе, что впредь никогда не оставлю подругу, не позволю себя прогнать при любом раскладе. Куда Селия, туда и я. Что бы с ней ни произошло, пусть произойдет и со мной тоже.

«Я уже не ребенок», – твердила я себе, как твердят все дети.

Глава восьмая

А между тем война была на пороге.

Вообще-то, она началась давно и в Европе шла вовсю. Но в США продолжались разгоряченные дебаты, стоит ли нам в нее вступать.

Само собой, я в этих дебатах не участвовала. Но все кругом обсуждали войну, и от этого было не скрыться.

Возможно, ты сочтешь, что я могла бы и пораньше заметить приближение войны, но, если честно, прежде эта тема не привлекала моего внимания. Если ты еще не поняла, Анджела, в молодости наблюдательность не входила в число моих достоинств. Летом 1940 года было очень трудно не замечать, что в мире вот-вот начнется война, но я каким-то образом умудрилась. В свое оправдание скажу, что мои подруги и коллеги по театру тоже игнорировали эту тему. Не помню, чтобы Глэдис, Селия или Дженни хоть раз обсуждали боеготовность Соединенных Штатов Америки или растущие потребности «флота двух океанов»¹⁶. Политика меня никогда не интересовала. Я не назвала бы фамилию ни одного министра в кабинете Рузвельта. Зато я знала полное имя второй жены Кларка Гейбла, многократно разведенной светской львицы из Техаса: Риа Франклин Прентисс Лукас Лэнгхэм Гейбл – язык сломаешь, но я запомнила его до скончания дней.

В мае 1940-го нацисты вторглись в Бельгию и Нидерланды. Примерно в то же время я провалила экзамены в Вассаре, так что мне было не до войны. (Помню, папа говорил, что вся эта кутерьма закончится к концу лета: французская армия оттеснит захватчиков обратно в Германию. Я сочла его слова вполне авторитетными, ведь он читал столько газет.)

Когда я приехала в Нью-Йорк – в середине июня 1940 года, – немцы уже маршировали по Парижу (вот тебе и папин авторитет). Но в моей жизни случилось столько всего интересного, что мне некогда было следить за развитием событий. Меня гораздо больше интересовало происходящее в Гарлеме и Виллидже, чем на линии Мажино. В августе, когда люфтваффе бомбило Британию, меня одолевали кошмары из-за возможной беременности и гонореи, так что я даже не замечала военных репортажей.

Слышала про «пульс истории»? Я умудрилась не слышать его, хотя он гремел мне в самые уши.

Будь я умнее и прозорливее, то поняла бы, что рано или поздно Америку втянут в мировое противостояние. Я могла бы уделить больше внимания известию, что мой брат собрался пойти на флот. Могла бы даже задуматься о том, как это решение повлияет на будущее Уолтера – и на будущее всех нас. Могла бы сообразить, что некоторые юные весельчаки, с которыми мы еженощно развлекаемся в Нью-Йорке, по возрасту как раз подходят для отправки на передовую, когда Америка неизбежно вступит в войну. Знай я тогда то, что знаю сейчас, а именно – что многие из этих юношей вскоре сгинут на полях Европы и в аду Тихоокеанского фронта, – я бы переспала с каждым из них.

И если ты думаешь, что я шучу, – то нет, я не шучу.

Я сожалею, что не успела осчастливить каждого из них. (Конечно, мне не хватило бы времени, но я уж постаралась бы втиснуть в свой плотный график всех до единого – всех, кого вскоре взорвут, сожгут, ранят. Всех обреченных.)

Я сожалею, что не распознала грядущие ужасы, Анджела. Искренне сожалею.

---

¹⁶ Закон, подписанный Рузвельтом 19 июля 1940 года и предусматривающий расширение ВМС США почти на 70 процентов.

Впрочем, остальные оказались умнее меня. Оливия с особой тревогой следила за новостями, поступавшими из ее родной Англии. Я видела, что она беспокоится, но поскольку Оливия беспокоилась по любому поводу, на меня это не производило впечатления. Каждое утро за тарелкой яичницы с почками Оливия прочитывала все газеты, которые смогла найти: «Нью-Йорк таймс», «Барронс», «Геральд трибьюн» (хотя последняя и лебезила перед республиканцами), а тем более британскую прессу, когда удавалось ее достать. Даже моя тетя Пег, обычно читавшая лишь «Пост» (и то ради бейсбольной колонки), стала с тревогой следить за репортажами. Одну мировую войну она уже пережила и не горела желанием пережить вторую. Вдобавок ко всему Пег искренне переживала за Европу, которую очень любила.

Тем летом Пег и Оливия укрепились во мнении, что американцы должны вступить в войну. Кто-то же должен помочь англичанам и освободить французов! Обе они горячо поддерживали нашего президента, пытавшегося добиться одобрения военных действий со стороны Конгресса.

Пег, предатель своего класса, всегда любила Рузвельта. Когда я впервые об этом услышала, меня потрясло ее отношение: мой отец ненавидел президента и был рьяным изоляционистом. Он всецело поддерживал Линдберга¹⁷. Я полагала, что все мои родственники обязаны ненавидеть Рузвельта. Но у нью-йоркцев по любому вопросу есть собственное мнение.

– Ну все, нацисты меня достали! – однажды воскликнула Пег за завтраком, читая газету, и в приступе гнева ударила кулаком по столу. – Хватит! Кто-то должен их остановить! Чего мы ждем?

Никогда не слышала, чтобы Пег так взъерилась, вот почему тот случай отложился у меня в памяти. Ее реакция на мгновение заставила меня забыть собственные мелкие заботы и задуматься: ого, раз уж Пег злится, значит, дело плохо!

Но я понятия не имела, чего она ждет от меня. Уж я-то точно не могла остановить нацистов.

Если честно, у меня вплоть до сентября 1940 года не укладывалось в голове, что война – такая далекая и досадная – может иметь для нас реальные последствия.

Но потом в театре «Лили» появились Эдна и Артур Уотсоны.

---

¹⁷ Американский пилот Чарльз Линдберг в 1939–1941 годах стал лидером изоляционистского движения в США, выступая против вмешательства страны в военные действия в Европе.

Глава девятая

Осмелюсь предположить, Анджела, что ты никогда не слышала об Эдне Паркер Уотсон. Ты слишком молода, чтобы помнить эту великую драматическую актрису. К тому же Эдна больше известна в Лондоне, чем в Нью-Йорке.

Так получилось, что я слышала о ней еще до знакомства, но только потому, что она была замужем за красивым английским актером кино Артуром Уотсоном, который только что сыграл сердцеда в слащавой британской военной мелодраме «Врата полудня». Я видела фотографии четы Уотсонов в журналах, поэтому и знала Эдну в лицо. Вообще-то, почти преступление говорить об Эдне только в связи с ее мужем. Из них двоих она куда более талантливая актриса, да и как личность куда более интересна. Но что поделать: симпатичной мордашкой обладал именно Артур, а в нашем поверхностном мире симпатичная мордашка важнее всего.

Возможно, Эдна достигла бы большей известности, снимаясь она в кино. Возможно, ее помнили бы до сих пор, как помнят Бетт Дэвис и Вивьен Ли – актрис того же масштаба. Но Эдна не соглашалась играть перед камерой. И не потому, что не предлагали: Голливуд не единожды стучался в ее двери, но Эдне каждый раз хватало упорства отказывать важным студийным шишкам. Она не снисходила даже до радиопьес – считала, что в записи человеческий голос теряет сакральную жизненную силу.

Нет, Эдна Паркер Уотсон выступала только на сцене, а беда театральных актрис в том, что с окончанием карьеры о них просто забывают. Тот, кто ни разу не видел Эдну на подмостках, не в силах представить ее магнетизм и власть над публикой.

Между прочим, Джордж Бернард Шоу считал ее своей любимой актрисой – теперь ты видишь уровень? Карьера Эдны началась с его знаменитого отзыва о ее Жанне д'Арк. «Это светящееся лицо в обрамлении шлема – достаточно одного взгляда, чтобы любой ринулся за ней в битву».

Но нет, даже оценка автора «Святой Иоанны» не в силах передать величие Эдны Уотсон. При всем уважении к мистеру Шоу, я лучше опишу ее своими словами.

Я познакомилась с Эдной и Артуром в третью неделю сентября 1940 года.

В театре «Лили» привыкли к неожиданным гостям, и визит Эдны с Артуром не стал исключением. Но даже по меркам «Лили» с его постоянным хаосом и кутерьмой их приезд выглядел событием внезапным и чрезвычайным.

Эдна с Пег дружили давно. Они познакомились во Франции во время Первой мировой и сразу сблизились, но с тех пор много лет не виделись. И вот в конце лета 1940-го Уотсоны приехали в Нью-Йорк, где Эдна репетировала новую пьесу с Альфредом Лантом¹⁸. Однако спектакль так и не состоялся: не успели актеры заучить реплики, как финансирование отозвали. Уотсоны засобирались было назад в Англию, но тут нацисты начали бомбардировки, и через несколько недель в лондонский дом Уотсонов угодила бомба люфтваффе. И стерла его с лица земли. До основания.

– В щепки разнесло, – сообщила нам Пег.

Так Эдна и Артур застряли в Нью-Йорке. Они жили в отеле «Шерри-Незерланд»: не худший вариант для беженцев, оставшихся без крова, но оба сидели без работы, и вскоре проживание в отеле стало им не по карману. Они оказались в Америке без средств к существованию, без дома, куда можно вернуться, и даже без надежд на безопасное появление в родной стране.

---

¹⁸ Альфред Лант (1892–1977) – американский театральный актер и режиссер, трехкратный лауреат премии «Тони».

Пег услышала об их беде от общих знакомых и, само собой, позвала Уотсонов пожить в «Лили». Оставайтесь, сколько нужно, сказала она. И даже пообещала занять в паре своих спектаклей, если супруги не погнушаются таким заработком.

Разве могли они отказаться? Деваться-то все равно некуда.

И Уотсоны переехали к нам. Тогда я впервые в жизни и соприкоснулась с войной напрямую.

Уотсоны прибыли в один из первых по-осеннему холодных вечеров сентября. Когда их машина подъехала к театру, мы с Пег стояли на пороге и разговаривали. Я только что вернулась из магазина Луцкого и притащила огромный мешок кринолинов, с помощью которых надеялась подлатать костюмы наших танцовщиц. (Мы ставили спектакль «Пляши, Джеки!» – об уличном проходе, которого спасает от криминальной стези любовь прекрасной юной балерины. Мне досталась задача не из легких: превратить наш фигуристый кордебалет в стайку невесомых фей. С костюмами я постаралась на славу, но юбки у девушек постоянно рвались. Всею виной, полагаю, был пресловутый «попотряс», и теперь гардероб нуждался в реконструкции.)

Приезд Уотсонов сопровождался небольшим переполохом, так как у них было очень много вещей. За такси следовали еще две машины, набитые оставшимися чемоданами и коробками. Я стояла на тротуаре, а Эдна Паркер Уотсон выплыла из такси, словно прибыла на шикарном лимузине. Маленькая, тоненькая, узкобедрая и плоскогрудая, она была одета в самый роскошный наряд, который мне доводилось видеть на женщине. Высокий воротник двубортного жакета – саржа цвета павлиньего пера, два ряда золотых пуговиц спереди – был оторочен золотым шнуром. Темно-серые слегка расклешенные брюки сидели на ней идеально, а остроносые черные блестящие туфли смахивали на мужские, если бы не маленький, элегантный и очень женственный каблук. Она была в солнечных очках в черепаховой оправе; короткие темные волосы уложены глянцевыми волнами. Никакого макияжа, за исключением помады на губах – идеально глубокого красного цвета. Наряд дополнял простой черный берет, щегольски сдвинутый набок. Эдна напоминала крошечного командира самой шикарной в мире армии – и с того самого момента мое представление о стиле изменилось раз и навсегда.

Прежде я считала нью-йоркских артисток бурлеска с их блестками и перьями вершиной гламура. И вдруг всё, чем (и кем) я восхищалась целое лето, превратилось в дешевку по сравнению с этой миниатюрной женщиной в изящном маленьком жакете, идеально скроенных брюках и «мужских» туфлях.

Впервые в жизни я лицезрела настоящий шик. И без преувеличения могу сказать, что с того дня только и делала, что пыталась скопировать стиль Эдны Паркер Уотсон.

Пег бросилась навстречу Эдне и крепко обняла ее.

– Эдна! – завопила она и крутанула старую подругу, чтобы хорошенько разглядеть со всех сторон. – Неужто сама Роза Друри-Лейн¹⁹ почтила своим присутствием наши скромные берега!

– Милая моя Пег! – воскликнула в ответ Эдна. – Ты ничуть не изменилась! – Она высвободилась из объятий подруги, сделала шаг назад и окинула взглядом здание театра: – Но неужели это все твое, Пег? Целое здание?

– Да, увы, – отозвалась Пег. – Хочешь купить?

---

¹⁹ Друри-Лейн – улица в лондонском районе Ковент-Гарден и обиходное название Королевского театра, который там находится.

– У меня ни гроша за душой, дорогая, а то бы непременно. Прелестный театр. Значит, ты стала импресарио! Ну надо же, наша Пег – театральный магнат! Фасад напоминает старый «Хэрни»²⁰. Очень мило. Понимаю, почему ты купила этот дом.

– Я тоже понимаю, почему его купила, – вздохнула Пег, – ведь иначе я до старости лет жила бы в довольстве и богатстве, а кому это надо? Но хватит про мой дурацкий театр, Эдна. У меня просто сердце разрывается из-за беды с твоим домом – и нашей несчастной Англией!

– Пег, милая моя! – Эдна мягко коснулась тетиной щеки. – Да, дело дрянь. Но мы с Артуром живы. А теперь благодаря тебе у нас есть крыша над головой, а нынче не каждому так везет.

– А кстати, где же Артур? – встрепелась Пег. – Не терпится с ним познакомиться.

Я тем временем уже давно его заметила.

Артур Уотсон – писанный темноволосый красавец в голливудском стиле с квадратной челюстью – в тот момент с чрезмерным энтузиазмом пожимал руку таксисту, ослепляя его белозубой улыбкой. Он был хорошо сложен, плечист и гораздо выше ростом, чем казалось на экране, – что для актеров, вообще-то, редкость. Сигара у него в зубах выглядела реквизитом. Я впервые видела такого красивого мужчину в жизни, а не в кино, но в его внешности проскальзывало нечто искусственное. Например, на глаза ему постоянно падала непослушная прядь волос, что смотрелось бы привлекательно, если бы не было столь явно отрепетировано. (Небрежность не бывает намеренной, Анджеля.) Короче, он выглядел как актер – вот самое точное описание. Как актер, исполняющий роль красивого, хорошо сложенного мужчины, пожимающего руку таксисту.

Артур подошел к нам широким спортивным шагом и затряс руку Пег с тем же неумным энтузиазмом, как и руку бедолаги таксиста.

– Миссис Бьюэлл, – произнес он. – Безумно любезно с вашей стороны предоставить нам кров!

– Мне только в радость, Артур, – отвечала Пег. – Я обожаю вашу жену.

– Я тоже! – пророкотал тот и с такой силой стиснул Эдну в объятиях, что ей, наверное, стало больно, но она лишь просияла от удовольствия.

– А вот моя племянница Вивиан, – представила меня Пег. – Она живет у нас с начала лета. Учится, как не надо управлять театром.

– Ага, та самая племянница! – воскликнула Эдна, как будто слышала обо мне много хорошего. Она расцеловала меня в обе щеки, окутав ароматом гардении. – Надо же, Вивиан. Ты настоящая красотка! Только не говори, что хочешь стать актрисой и сломать себе жизнь. Хотя у тебя есть все данные для сцены.

---

²⁰ Имеется в виду театр «Хэрни-Эмпайр» в лондонском районе Хэрни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.